

Михаил Фишман

Преемник

История Бориса Немцова
и страны, в которой он
не стал президентом

СОРПС

Михаил Фишман

**Преемник. История Бориса
Немцова и страны, в которой
он не стал президентом**

«Corpus (АСТ)»

2022

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)64-8

Фишман М. В.

Преемник. История Бориса Немцова и страны, в которой он не стал президентом / М. В. Фишман — «Corpus (АСТ)», 2022

ISBN 978-5-17-133048-4

***НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ФИШМАН МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ, ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ФИШМАН МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ.** “Преемник. История Бориса Немцова и страны, в которой он не стал президентом” – политическая биография Бориса Немцова, написанная журналистом Михаилом Фишманом. Немцов пришел в общественную жизнь в конце 80-х годов, в разгар горбачевской перестройки, в 90-х стал губернатором Нижегородской области, сделал стремительную карьеру, и одно время Ельцин видел в нем своего преемника. В нулевых он перешел в оппозицию к власти, а 27 февраля 2015 года был убит на Большом Москворецком мосту напротив Кремля. Немцов стал участником и свидетелем всех важнейших событий новейшей российской истории – от первых свободных выборов и путча 1991 года до митингов на Болотной площади в 2011–2012 годах и присоединения Крыма в 2014-м. Построенная на сотнях интервью, а также архивных данных и мемуарах, эта книга – путешествие по российской истории последних тридцати лет. Проходя вместе с Немцовым все основные вехи недавнего прошлого страны, автор ищет ответ на вопрос: как и почему Россия потеряла обретенную ею свободу. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)64-8

ISBN 978-5-17-133048-4

© Фишман М. В., 2022

© Corpus (АСТ), 2022

Содержание

От автора	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Нужен ли суд над палачами?	8
Немцов – физик	9
Самый свободный человек	11
Горбачев против КПСС	14
Призрак Чернобыля	15
Когда уходит страх	17
Глава 2	20
Триумф Ельцина	20
Немцов идет в депутаты	22
Россия против СССР	25
Народ за свободу	27
Последний шанс сохранить Союз	29
Немцов за границей	32
Глава 3	35
Первый президент	35
Горбачев принимает гостей	35
1917-й или 1964-й?	38
Дорога в будущее	41
Глава 4	44
Пономарев и Якунин едут к Ельцину	44
Молодость или опыт?	45
Демократия или сильная власть?	47
Мальчики в розовых штанах	49
Немцов въезжает в здание обкома	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил Фишман
Преемник. История Бориса Немцова и
страны, в которой он не стал президентом

© Михаил Фишман, 2022

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Издательство CORPUS ®

18+

От автора

Обычно фильмы рождаются из книг. С этой книгой получилось наоборот – она родилась из фильма «Слишком свободный человек», который мы сделали вместе с Верой Кричевской и который вышел через два года после убийства Бориса Немцова. Фильм был построен на очевидной идее: история Немцова – это и есть история страны последних почти тридцати лет. Появление Немцова в политике было бы невозможно без горбачевской перестройки второй половины 80-х, его стремительный взлет в начале и поражения в конце 90-х в полной мере отражают драматизм ельцинской эпохи, неизбежен был и его переход в оппозицию при Путине. Немцов оказался непосредственным участником – либо, реже, свидетелем – едва ли не всех событий, так или иначе предопределивших ход современной российской истории. Его жизнь, со всеми ее поворотами, – это история борьбы за свободную и демократическую Россию. Поэтому и его гибель произвела такое впечатление и приобрела символический смысл.

Книга развивает эту идею: история Немцова – это история России, и я не отделяю одно от другого. Это не классическая биография. Это политическая биография в широком контексте, не столько рассказ о Немцове, сколько рассказ, в котором он является главным героем. За годы, прошедшие с падения советской власти, Россия снова потеряла обретенную ею свободу. Как это произошло? Поиски заветной точки, в которой стрелка российской истории была переключена на тупиковый маршрут, привычно крутятся вокруг конкретных эпизодов, но простых ответов – фамилия, дата, место – на эти вопросы нет. И поэтому по ходу сюжета я время от времени покидал моего героя, чтобы восстановить подоплеку политических интриг и исторических процессов, в центре которых ему суждено было оказаться.

У этой книги две оптики. Одна – самого Немцова. Его взгляды мне близки, его поступки и эмоции мне часто понятны, и мне было относительно легко смотреть на происходящие события его глазами. Вторая оптика – моя собственная, и я хотел показать те обстоятельства, в которых действовали и принимали решения и Немцов, и другие участники политической жизни. Смотря на историю страны глазами Немцова, я вместе с ним проживал ее заново, в настоящем времени. Как журналист я понимал, где что искать и кому задавать вопросы, потому что уже знал, что было дальше и чем все кончилось.

Эта книга – не политологический труд и не строгое историческое исследование (хотя профессии журналиста и историка родственны между собой). Многие описанные мною реалии перестали существовать или устарели, но я старался писать так, чтобы чтение не требовало специальных знаний – ни об общественной жизни последних десятилетий, ни об экономике, ни о том, как устроено и функционирует российское государство. Насколько Немцов был живым и непосредственным человеком, настолько я стремился к тому, чтобы живым и непосредственным был мой рассказ.

Часть первая

Глава 1 Начало пути. 1987-1989

Нужен ли суд над палачами?

Ни темп, ни содержание перестройки не устраивали Николая Ашина, 24-летнего сотрудника НИРФИ, Научно-исследовательского радиофизического института города Горького. Во-первых, начатые Горбачевым реформы казались ему половинчатыми. Во-вторых, неверным ему представлялся исходный посыл: разве может коммунистическая система сама себя реформировать? Ашин интересовался политикой и решил делать газету – точнее, не газету, а стенгазету, которая в единственном экземпляре висела прямо у входа в столовую института, то есть не заметить ее было невозможно. Первый номер газеты вышел в ноябре 1987 года, а программная статья за подписью Ашина начиналась так: «Со страниц газет, экранов ТВ звучат призывы – выдвигать, выбирать, активно участвовать, активно обсуждать – в рамках социалистической законности, конечно. Демократизация – в рамках социалистического плюрализма. Гласность, открытость, свобода критики – но объективно и конструктивно. Извините, но все это было и при Сталине – в известных пределах. А пределы эти сейчас, так же как и тогда, устанавливают все те же организации».

И стенгазета в НИРФИ, и статья Ашина неслучайно появились именно в этот момент. С одной стороны, в 1987-м гласность достигла пика, уже трещала по швам коммунистическая идеология, и даже в официальной партийной прессе обсуждалось все то, о чем молчали много десятков лет. Журналы миллионными тиражами публиковали запрещенных писателей. На экраны выходили фильмы, которые годами пылились на полках. Моментально превращались в кумиров молодые ведущие ток-шоу на телевидении, каких советские телезрители никогда не видели. Ничего этого нельзя было себе представить всего полтора-два года назад. С другой стороны, власть КПСС была еще сильна, и внутри партии уже оформлялась консервативная оппозиция перестройке и Горбачеву, ведомая Егором Лигачевым, вторым лицом в коммунистической иерархии. И как раз в те дни, когда Ашин работал над первым номером своей стенгазеты, Борису Ельцину, тогда популярному главе Московского горкома КПСС, устроили обструкцию на очередном Пленуме Центрального комитета¹. Начинали проступать контуры политической борьбы, которая предопределила историю наступающего десятилетия: справа на Горбачева давят коммунистические ортодоксы из Политбюро, а слева поднимается звезда Ельцина. На страну вдруг свалилась свобода – в первую очередь свобода печати. Но огромная советская партийная машина не собиралась сдаваться без боя, а кому-то, как молодому антикоммунисту Ашину, перестройка казалась неполной и лицемерной.

Гласность началась в январе 1987 года – именно тогда, пролежав два года на полке, на экраны вышел фильм «Покаяние» грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе, притча о тиране,

¹ 21 октября 1987 года Борис Ельцин, прогрессивный руководитель Московского горкома КПСС, неожиданно взял слово на Пленуме ЦК, дежурном партийном мероприятии, посвященном обсуждению доклада к 70-летию революции: сбивчиво раскритиковал секретаря ЦК Егора Лигачева и Политбюро в целом, самого Горбачева за складывавшийся культ личности и попросил вывести его из кандидатов в члены Политбюро. В ответ члены ЦК один за другим заклеили Ельцина как отщепенца, противопоставившего себя партии. Ельцин покаялся, но 11 ноября его сняли с руководства Московским горкомом, а вскоре Горбачев отправил его на малозначительную должность первого заместителя председателя Госстроя.

внешне похожем одновременно на Берию и на Сталина. Гласность стала синонимом десталинизации. В широкую печать хлынул поток свидетельств о массовых репрессиях – поток правды, от которой кровь стыла в жилах и о которой советский народ в то время имел весьма смутные представления: еще не были открыты архивы, еще не был опубликован в журнале «Новый мир» «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, еще не было четкого представления о масштабах жертв. «Всех, кто заглядывал в основные российские газеты или журналы в 1987 или 1988 годах, сразу же окружали имена, лица, голоса – призраки разрушенных жизней соотечественников – оклеветанных, арестованных, подвергнутых пыткам, расстрелянных, замученных голодом или сведенных в могилу непосильным трудом», – писал исследователь перестройки Леон Арон². Генеральная линия партии, разумеется, не успевала за духом времени: в официальных партийных документах репрессии уже осуждались, но еще отмечался выдающийся вклад Сталина в социалистическое строительство.

Николай Ашин был настроен бескомпромиссно. Он требовал суда над палачами: «Прозвол, безнаказанность любых самых запущенных, даже внештатных сотрудников [КГБ. – М. Ф.] на протяжении десятилетий породили в людях неискоренимый животный страх, который, став неотъемлемой русской национальной чертой, „генетически“ передается из поколения в поколение, – писал он в той самой программной статье. – Преодолеть это наследие нам помог бы свой Нюрнбергский процесс над виновниками репрессий тех лет».

Вокруг газеты в институте поднялся шум. Но в НИРФИ царили либеральные нравы – даже по тем временам. Комитет комсомола института разобрал личное дело Ашина и постановил: «Считать правильным курс газеты на создание в институте атмосферы гласности»³. Разумеется, статья Ашина активно обсуждалась, в том числе и в его родном отделе теоретической физики. 28-летний физик Борис Немцов, коллега, научный руководитель и одновременно близкий приятель Ашина, решил написать ответ. Он был опубликован в следующем номере газеты. И это было первое политическое выступление Немцова. «Статья написана по-граждански, честно, смело, эмоционально, что, несомненно, привлекает читателя. Тем не менее ряд предложений автора я не могу поддержать, – писал Немцов. – В первую очередь это касается предложения о проведении Нюрнбергского процесса над участниками репрессий сталинского режима. Дело в том, что большинство из них либо умерли, либо старые беспомощные люди. Конечно, желание возмездия велико, но чувство мести и жажду крови вряд ли можно отнести к проявлению высокого нравственного начала, а ведь именно нравственное очищение должно быть целью подобных мероприятий. Я уже не говорю о том, что даже если бы вопрос о судебном процессе был бы решен положительно, то перед присяжными сразу бы возникли непреодолимые трудности: отсутствие доступа к архивам, документам, наконец, отсутствие официальной поддержки. Короче говоря, предложение заманчивое, но вряд ли осуществимое. Мне кажется более реальным организовать сбор средств для строительства памятника (можно и скромного обелиска или доски) жертвам сталинского террора».

Немцов – физик

Немцов родился в Сочи, где познакомились и тогда жили его родители: мать, Дина Яковлевна, родом из Горького, окончила Горьковский мединститут и работала врачом-педиатром, а отец, инженер, занимал высокую должность в сочинском строительном главке. У отца когда-то фамилия была Немцев, но после войны носить такую фамилию стало неловко, и он поменял в ней букву. Брак у родителей получился несчастливый, у самого Немцова детские воспомина-

² Арон Л. Дорога к Храму. Истина, память, идеи и идеалы российской революции 1987–1991 (М.: Школа гражданского просвещения, 2017), с. 88.

³ Из интервью Николая Ашина автору, 16 июня 2019.

ния об отце остались тяжелые, и напряжение в отношениях сохранялось потом всегда, вплоть до смерти отца в 1988 году.

Когда Боре было семь лет – он только пошел в первый класс, – родители развелись. Отец уехал в Москву, на повышение, а мама с Борей и его старшей сестрой Юлей вернулись обратно в Горький. Там они с тех пор и жили – в маленькой двухкомнатной квартире в хрущевке, сначала втроем, а потом впятером, когда сестра вышла замуж и родила ребенка. Жили очень бедно: мама работала в больнице, денег всегда не хватало, и Боря уже в шестом классе разгружал продукты в соседнем магазине, чтобы немного подзаработать. «„Будешь плохо учиться – будешь жить в нищете“, – вспоминал потом Немцов одно из главных маминых наставлений. – Эту фразу она повторяла все время, и к девятому классу я ее выучил»⁴.

Учился Немцов очень хорошо, окончил школу с золотой медалью, но, как рассказывала мама, дисциплина всегда хромала и его дневник пестрел замечаниями, что он на уроке шумел, болтал, смеялся и т. п. Удивительно, но Боря Немцов не вступил в комсомол. В 70-х годах это было редкостью: отсутствие комсомольского значка фактически ставило любого старшеклассника в положение изгоя. В его выпускной характеристике было отмечено, что Немцов «политически неустойчив», и оба этих обстоятельства практически закрывали ему возможность поступить в институт. Увидев характеристику, Дина Яковлевна схватила за голову и побежала в школу. «Но ведь Боря действительно политически неустойчив», – разводил руками директор школы. Тем не менее он дал себя уговорить и заменил эту характеристику на более мягкую: «Позволяет себе политически непродуманные высказывания»⁵.

Политически неустойчивым Боря Немцов оказался вовсе не потому, что был в школе воинствующим антисоветчиком. На самом деле в юности Немцов не испытывал интереса к политической жизни, в активисты не собирался, а диссидентом прослыл благодаря одной из главных черт своего характера – отсутствию самоцензуры. Немцов всегда говорил то, что думает. Через несколько лет он так и скажет в одном из интервью: «Я не коммунист по убеждениям. Но антикоммунист – это уже слишком свирепо и предполагает активное противодействие»⁶.

Невероятно способный, Боря Немцов со старших классов много занимался физикой и математикой и поступил на радиофак Горьковского гос-университета. Радиофизика процветала в Горьком с середины 40-х годов XX века, когда в местном университете открылся первый в стране радиофизический факультет. В середине 50-х появился НИРФИ, и его родоначальниками стали сильнейшие физики того времени – представители научной элиты. В середине 70-х знаменитый выпускник горьковского радиофакультета академик Андрей Гапонов-Грехов основал в Горьком ИПФАН – Институт прикладной физики. Там же, неподалеку от Горького, разместились важнейшие секретные военные производства – выпускали подводные лодки, истребители и пр. Так в Горьком обосновался цвет советской научной интеллигенции, а местные институты стали рассадниками вольнодумства. Благодаря работе над ядерной бомбой и начавшейся вместе с ней гонке вооружений физика и математика всегда занимали в советской науке особое, привилегированное положение, и советская власть позволяла математикам и физикам немного больше свободы, чем остальным.

Окончив радиофак с красным дипломом, Немцов пошел работать в теоретический отдел НИРФИ. НИРФИ считался менее престижным, чем ИПФАН, куда из НИРФИ вслед за Гапоновым-Греховым перешли многие ведущие сотрудники, однако теоретический отдел НИРФИ по-прежнему котирировался высоко. Научным руководителем Немцова стал его дядя Вилен Эйджман, тоже известный ученый и ученик академика Виталия Гинзбурга (в 2003 году Гинзбург

⁴ «Немцов: „Хочу умереть, катаясь на виндсерфинге“», Московский комсомолец (29.12.2006).

⁵ Немцов Б. Е. Исповедь бунтаря (М.: Партизан, 2007), с. 11.

⁶ Интервью с Борисом Немцовым, Ленинская смена (февраль 1990).

получит Нобелевскую премию). «Отец мой был суровым, жестким человеком и никогда не стал бы возиться со своим племянником, если бы тот не был очень способным физиком, – говорил о Вилене Эйдмане его сын и двоюродный брат Немцова Игорь Эйдман. – Борю он считал чрезвычайно одаренным человеком и сулил ему блестящую научную карьеру»⁷.

В середине 80-х распространение нелинейных волн считалось сложной и актуальной областью физической науки. На радиофизическом факультете изучали в основном электромагнитные волны, но лозунг факультета звучал так: «Физика для радио и радио для физики». Основная идея заключалась в том, что любые нелинейные волны фундаментально похожи, вспоминает физик Лев Цимринг, однокашник и приятель молодости Немцова. «Факультет прививал нам культуру: в основе всего лежит теория колебаний нелинейных волн, – объясняет Цимринг, – а дальше ты можешь применить ее к разным областям. Нас учили ее применять и к радиоволнам, и к физике плазмы. Этим Боря и занимался в НИРФИ»⁸. «На столе и на полу все было завалено листками с формулами. Даже будучи в гостях у моих родителей, он все писал эти формулы», – вспоминала потом Дина Яковлевна⁹.

Поверхностность может быть и недостатком, и достоинством. «Такое ощущение, что ученый пытается охватить многое, как бы разрывается на части – вместо того, чтобы сосредоточиться на одном конкретном направлении», – писал о кандидатской диссертации Немцова журналист Егор Верещагин¹⁰. Действительно, можно стать экспертом в какой-либо конкретной области, а можно применять более широкий взгляд на вещи и, наблюдая за аналогиями в разных сферах, находить универсальные закономерности, незаметные узким специалистам. «Мы занимались динамикой жидкости, – вспоминает Цимринг, – волнами в океане, неустойчивостями, которые производят ветровые волны, такого рода вещами. А ему пришлось в голову посмотреть, что будет, если сделать примерно то же самое в акустике, – и так ни с того ни с сего он занялся акустикой. Он безболезненно перескакивал из одной сферы в другую»¹¹. Так родилась идея акустического лазера, которым Немцов стал заниматься впоследствии. Немцов-физик оказался похож на будущего Немцова – политического оратора: ни в чем не разбираясь детально и глубоко – за что его часто будут критиковать, – он сможет доступно объяснять суть происходящего и этим завоеует свою огромную популярность.

В НИРФИ на Немцова не давили: институт позволял своим сотрудникам заниматься тем, чем они хотели. Немцова отлично знали и в соседнем ИПФАНе, потому что он регулярно посещал тамошние семинары. Работал он и со студентами. Его будущий помощник и секретарь Александр Котюсов пришел к 27-летнему Немцову в 1986 году, на 4-м курсе. Он прекрасно помнит их первые встречи в НИРФИ: из-за секретной военной тематики в институте была специальная система пропусков, и выше второго этажа посторонних не пускали, поэтому Немцов занимался со студентами на окне между вторым и третьим этажами института...¹²

Самый свободный человек

В горьковской научной среде Немцова нельзя было не знать – да и не только в ней. Главные черты характера, которые сыграют определяющую роль и в его карьере, и в его жизни, были присущи ему уже тогда – огромная самоуверенность, абсолютная раскованность, граничившая с развязностью, и полное отсутствие подобострастия, граничившее с наглостью. «Наглый и суперэкстраверт», по описанию товарища Немцова, физика из ИПФАНа Павла Чичагова, он

⁷ Игорь Эйдман: «О неточности в биографии моего брата – Бориса Немцова», Obozrevatel.com (01.03.2015).

⁸ Из интервью Льва Цимринга автору, 3 июня 2019.

⁹ Немцова Д. Я. «О сыне», Новая газета (05.02.2016).

¹⁰ Верещагин Е. «Неизвестный Немцов», Совершенно секретно (17.03.2015).

¹¹ Из интервью Льва Цимринга автору, 3 июня 2019.

¹² Из интервью Александра Котюсова автору, 18 июня 2019.

резко выделялся в любой компании, и прежде всего в своей родной, научной: кудрявый красавец, статный сексапильный плейбой, на ученого он был на первый взгляд совсем не похож¹³. Его успех у женщин стал притчей во языцех еще со студенческой скамьи.

В самом центре Горького, в садике Свердлова, есть два грунтовых теннисных корта; институт арендовал там несколько часов в неделю, и еще с 70-х годов молодые физики ходили туда играть в теннис. Модный заграничный спорт, теннис тогда был чем-то вроде форточки в запретную западную жизнь – особенно в Горьком, в те застойные годы депрессивном и мрачном городе: несколько научных институтов в окружении унылых рабочих кварталов – один только Горьковский автозавод, где делали знаменитые «волги», представлял собой город в городе. В начале 80-х, в апогей брежневского застоя, расчехлить здесь теннисную ракетку, пусть в лучшем случае эстонского производства, и достать теннисные мячи, пусть уже и заигранные до полного польсения, было особым шиком. Немцов очень любил спорт и спортивный образ жизни. Он мог подтянуться до тридцати раз подряд. Когда в холмах неподалеку от города появилась горнолыжная база – он встал на горные лыжи; когда начал ездить в Сочи – бросился осваивать серфинг. Естественно, Немцов не мог пройти и мимо тенниса.

Студентка Горьковского театрального училища Наталья Лапина увидела Немцова на теннисном корте в 1981 году – Немцов только защитил диплом и перешел в НИРФИ. «Какой красивый парень! Наверное, иностранец», – подумала Лапина: настолько Немцов с теннисной ракеткой в руке выделялся на фоне горьковской повседневности. Она села рядом и стала ждать – учить роль. И не зря. «Девушка, у вас очень информативный взгляд», – сказал ей Немцов. «Ого, – подумала Лапина, – слово-то какое: информативный»¹⁴. У них немедленно завязался роман. Лапина жила в поселке Сормово, одном из промышленных пригородов Горького, где был расположен завод по производству подводных лодок и где ее каждодневный путь домой пролегал мимо пивных ларьков и их нетрезвых завсегдатаев. Через шесть-семь лет Лапина станет известной актрисой и одним из секс-символов позднесоветского кино, а пока 22-летний Немцов, одетый в красный спортивный костюм, провожал 18-летнюю красавицу на автобусе в рабочее Сормово – о том, чтобы поехать на такси, ни один из них не мог тогда даже подумать.

Немцов любил женщин, но еще больше он любил науку. Он приходил в институт днем, но мог потом сидеть на работе и писать формулы до поздней ночи. Немцов вообще умел легко переходить из одного режима в другой и был удивительно работоспособен. Этому помогало отсутствие привязанности к спиртному – Немцов никогда много не пил. «Люди же пьют, чтобы расслабиться, а ему это было просто не нужно, – объясняет Цимринг, – у него и так всегда был язык развязан. Зачем пить?»¹⁵ Он был настолько свободен от правил и конвенций, что в студенческие времена в хорошую погоду ходил по городу босиком – пока его не ударило током, когда он встал одной ногой на подножку троллейбуса, а другую еще не успел оторвать от земли.

В своих воспоминаниях физик Маргарита Рютова приводит пример немцовской раскованности. Впечатленный работами Немцова об излучении движущихся источников, академик Гинзбург привлек его к научным конференциям, которые с 1984 года организовывал в Сочи известный физик Вадим Цытович. Идея конференций заключалась в том, чтобы собрать вместе ученых, и известных, и не очень, но уже заметных в своих областях, и обсуждать в этом кругу проблемы современной науки и на стыке разных наук. Сочинские конференции были весьма престижными, для любого молодого ученого это было приглашение в клуб избранных. Немцов это приглашение принял как должное. Вот как Рютова описывает типичную сцену на конференции в Сочи в 1986 году, когда туда впервые позвали Немцова. У доски держит доклад Исаак Халатников, основатель Института теоретической физики имени Л. Д. Ландау в под-

¹³ Из интервью Павла Чичагова автору, 4 июня 2019.

¹⁴ Из интервью Натальи Лапиной автору, 11 апреля 2019.

¹⁵ Из интервью Льва Цимринга автору, 3 июня 2019.

московной Черноголовке, один из лучших преподавателей московского Физтеха, специалист в космологии и теориях сингулярности: «Халатников вел рассказ своим мягким голосом, аккуратно рисуя графики и покрывая доску системами уравнений, не пользуясь при этом никакими бумажками. Плавный текущий доклад спокойно переплетался с вопросами, на которые Халат отвечал четко и вежливо, пока в игру не вступил Немцов:

– Исаак Маркович, вы хоть понимаете, чего вы там пишете?

Халатников, очень вежливо:

– Да, Боря, это компоненты пятимерного метрического тензора.

– Небось, когда пользуешься пятимерным пространством, думать надо»¹⁶.

На конференции Немцов не позволял себе разговаривать в таком тоне только с самим Гинзбургом, но и с тем держался абсолютно свободно – примерно так же, как он через несколько лет будет общаться с Борисом Ельциным. «Он ни перед кем никогда не заискивал, – говорит Цимринг, – и на лекциях всегда себя вел точно так же: очень свободно. Он был свободный человек. Я был не такой свободный, как он»¹⁷. Все Немцову давалось легко, без напряжения сил – и успех в науке, и радости частной жизни.

Со своей будущей женой Раисой Немцов познакомился в очереди в столовую Горьковского кремля. В обкомовской столовой, как ее называли в народе, была сносная еда, а система советских привилегий в этом конкретном случае работала так: до двух часов дня в столовую пускали только чиновников и высокопоставленных коммунистов, а уже после – простой народ. Естественно, собиралась очередь. Приходил и 23-летний Немцов и со свойственной ему наглостью пристраивался к кому-нибудь поближе к кассе. Это было начало 1983 года. У Немцова в это время был роман с другой девушкой (что, конечно, не мешало ему флиртовать). Раиса, сотрудница местной библиотеки, была старше Немцова на три года и замужем за военным, хотя к тому моменту брак фактически распался. «Боря вошел в столовую, и все девушки, которые были рядом, сразу ахнули. Потому что необыкновенно красивый молодой человек, с очень яркой внешностью: высокий, с миндалевидным разрезом глаз, огромной копной волос, бородой, и очень шумный, сразу в центре внимания, – вспоминает Раиса Немцова. – Я понимала, что этот мужчина не для меня. Во-первых, я была старше. Во-вторых, я была не совсем свободна. И Боря тоже был несвободен. Когда мы увидели его девушку, то мы поняли, что нам здесь делать нечего. Девушка была тоже хороша собой»¹⁸.

Однако родители девушки, за которой Немцов тогда ухаживал, состоятельные и успешные люди, считали мезальянсом брак с научным сотрудником НИРФИ и, надавив на дочь, вынудили ее расстаться с молодым человеком, который не мог наскрести себе на штаны. В марте Немцов позвал Раису поехать с ним погулять в Москву. Остановиться они должны были у его отца. «Хм, – подумала Раиса, – так это что получается: у нас серьезные отношения?» Так и вышло: хотя в гостях у отца Немцова в Москве они спали в разных комнатах, тот принял Раису как невесту. Впрочем, Немцов с юности смотрел на отношения с женщинами свободно и не собирался жениться даже тогда, когда Раиса сказала ему, что беременна. Но тут уже настояла Раиса: «Он хотел, чтобы было как обычно. А я думала: как я буду рожать ребенка от человека, за которым я не замужем? И я сказала: так не будет! И мы поженились»¹⁹.

Свадьба была очень скромной: собрали близких друзей дома у одного из немцовских приятелей. Деньги на кольца молодожены потратили на более важные в хозяйстве вещи. Жить им тоже было негде, и поначалу Немцов и Раиса ютились все в той же двухкомнатной хрущевке – вместе с Диной Яковлевной, сестрой Юлией, ее мужем и их ребенком. К марту 1984 года они

¹⁶ Рютова М. П. «Молодой Немцов: „Я смогу пройти по канату через пропасть“», Троицкий вариант (23.02.2016).

¹⁷ Из интервью Льва Цимринга автору, 3 июня 2019.

¹⁸ Из интервью Раисы Немцовой автору, 16 сентября 2019.

¹⁹ Там же.

сняли отдельную однокомнатную квартиру – там и родилась Жанна. Друзья пугали Немцова, что теперь он не сможет заниматься наукой из-за постоянного недосыпа, но Жанна оказалась очень спокойным младенцем. Она хорошо спала, а Немцов сидел рядом и писал свою диссертацию.

Вокруг бурлила перестройка, но молодой физик не обращал на общественную жизнь большого внимания. В его компании политика была далеко не главной темой для дискуссий. «Были разговоры и про политику, естественно, – вспоминает Раиса, – но не такие бурные, как про науку. Когда мы ходили в гости, мы говорили только о науке»²⁰. В первую очередь Немцова целиком занимала физика, а во вторую – спорт и молодая семья. И когда Немцов писал в институтской газете ответ своему приятелю Ашину в декабре 1987 года, он и подумать не мог, что политика станет делом его жизни.

Горбачев против КПСС

Горбачев и его немногие единомышленники в Политбюро, в первую очередь Александр Яковлев и Эдуард Шеварднадзе, были полны прогрессивных замыслов. Они приступали к самой важной реформе – политической. За 70 лет советской власти коммунистическая партия и государственный аппарат слились в единое неразрывное целое, и теперь Горбачев замахнулся на хирургическую операцию невиданного масштаба – разделить их, вывести государственное управление из-под партийного надзора. Ни много ни мало лишить КПСС монополии на власть и передать ее советам – вроде как наполнить, наконец, настоящим содержанием известный, но давно позабытый ленинский лозунг «Вся власть советам!». По сути, после 70 лет диктатуры речь шла о зарождении парламентской демократии. Александр Яковлев уже мечтал о двух-трехпартийной системе. До этого не дошло (Горбачев говорил, что «еще не время»)²¹, но намеченная на лето 1988 года XIX партийная конференция имела судьбоносное значение. Именно с нее, по мысли Горбачева, должна была начаться настоящая перестройка.

Партконференции предстояло утвердить правила первых с февраля 1917 года альтернативных выборов в стране – выборов делегатов Съезда народных депутатов СССР. Сами же выборы депутатов должны были пройти через год, весной 1989-го. Консерваторы в КПСС уже ожесточенно боролись с реформистским прогорбачевским крылом в партии. В марте 1988 года, когда Горбачев был в отъезде, они опубликовали сталинистскую статью «Не могу поступаться принципами» за подписью партийной деятельницы Нины Андреевой (на самом деле публикацией занимался лично Егор Лигачев). «Этот дерзкий выпад ортодоксальной оппозиции представлял собой нечто среднее между доносом врача Лидии Тимашук, спровоцировавшей в 1952 году антисемитский процесс по делу „врачей-убийц“, и появившимся в июле 1991 года в той же „Советской России“ „Словом к народу“, в котором была сформулирована платформа ГКЧП», – писал потом в своих мемуарах пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев²².

Горбачев в ответ проявлял свою знаменитую нерешительность. Оттого и политическая реформа с самого начала была двусмысленной. Горбачев верил в свободу, он всерьез готовился дать бой партийной номенклатуре. Но он занимал мягкую позицию: потому что это было в его характере и потому что он искренне полагал, что страна и политический режим изменятся сами, если подтолкнуть их в правильном направлении. Горбачев верил, что у коммунистической партии есть будущее, если она вернется к принципам ленинизма. Можно сказать, он был

²⁰ Там же.

²¹ Об этом, в частности, пишет в мемуарах помощник Горбачева Андрей Грачев: «А. Яковлев вспоминает, что еще в конце 1985 года он написал Горбачеву записку с предложением разделить КПСС на две партии: либерального и консервативного направления, сохранив их в рамках одного Союза коммунистов. Тот, прочитав записку, ограничился лаконичным: „Рано“».

²² Грачев А. С. Горбачев (М.: Вагриус, 2001).

честным ленинцем. К тому же исходил из того, что ради проведения реформ он должен пойти на уступки партийному аппарату.

Поэтому он предложил компромисс: власть перейдет к советам, но во главе советов на первом этапе встанут партийные функционеры (в том числе и сам Горбачев совместит пост генерального секретаря с новой должностью председателя президиума Верховного совета СССР), а КПСС сохранит контроль над выдвижением кандидатов в депутаты съезда. И уж тем более речь не шла об отмене 6-й статьи Конституции СССР, в которой говорилось о направляющей роли КПСС в жизни советского общества. По этому плану перестройка должна была сохранить управляемый характер, а демократии хотя бы временно пришлось уживаться с диктатурой КПСС. Запрячь в одну упряжку коня и трепетную лань и должна была партийная конференция – такой экстренный «полусъезд» КПСС.

Физик Павел Чичагов, в скором будущем член команды Немцова, хорошо помнит, как стал политическим активистом. Перед конференцией партия официально предложила трудовым коллективам присылать свои предложения о том, как должны быть организованы выборы депутатов первого съезда – перестройка же, пусть народ выскажется. Чичагов и несколько других ученых из ИПФАНа написали письмо, где изложили свои соображения по этому поводу – разумеется, весьма либеральные. «Для меня это был выбор, – вспоминает Чичагов, – либо я сижу помалкиваю, либо проявляю политическую активность»²³. Это письмо Чичагов лично отвез в Москву – в газету «Известия» и на Старую площадь, в аппарат ЦК КПСС. И страшно занервничал, когда увидел свою фамилию и выдержки из письма в «Известиях», в рубрике «Письма трудящихся»: кто поручится, что перестройка необратима и что, когда и если ее свернут, за ним не придут из органов? Над страной еще витал грозный призрак КГБ, а вместе с ним и остатки страха. Как пелось тогда в популярной частушке по мотивам известных строк Пушкина:

Теперь у нас эпоха гласности,
Товарищ, верь, пройдет она,
А Комитет госбезопасности
Запомнит наши имена.

Но пути назад уже не было. Так Чичагов пришел в политику. И по примеру стенгазеты, которую выпускал в НИРФИ Николай Ашин, в ИПФАНе появилась своя газета.

Призрак Чернобыля

Жизнь в Горьком политизировалась на глазах. Помимо неформальных политических кружков – от демократических до монархических – крепили самостийные локальные общественные движения, от экологических до градозащитных. На официальной Первомайской демонстрации студенты местного Политехнического института развернули плакат «Верните власть народу!». Их не тронули, хотя жест был дерзкий. Тогда же, в мае 1988 года, несколько активистов решились установить в центре города на площади Горького палатки – так они протестовали против строительства метро в этом месте открытым способом, то есть с неизбежным уничтожением старинной площади. Борьба шла давно – обращения в инстанции, даже митинги, не помогали. «Это был жест отчаяния, – вспоминает один из активистов Станислав Дмитриевский, – мы не думали, что из этого что-то выйдет. Проснулись утром – а вокруг тысячи людей»²⁴.

²³ Из интервью Павла Чичагова автору, 4 июня 2019.

²⁴ Из интервью Станислава Дмитриевского автору, 6 июня 2019.

В это же время в Горьком возобновился другой громкий инженерный проект – строительство атомной станции теплоснабжения (АСТ). Сама идея появилась еще во времена глубокого застоя в конце 70-х, когда лозунг «Атом для мира» был весьма популярен: по разработанному плану два микрорайона Горького предполагалось отапливать с помощью атомной котельной, которую собирались построить в нескольких километрах от города. В начале 80-х развернули строительство, и станцию даже почти построили, но потом бросили – эпоха позднего Брежнева была знаменита долгостроями, – а в апреле 1986 года случилась чернаябыльская катастрофа. И когда через полтора года станцию все-таки решено было достроить, перепуганные горожане откликнулись акциями протеста.

Врачей Чернобыль напугал особенно: в детской больнице, где работала Дина Яковлевна, лежали дети из Украины с поражением щитовидной железы. Так она стала активисткой. Сначала она позвала сына, чтобы тот как специалист-физик выступил перед врачами, когда районное партийное руководство разрешило провести в ее больнице обсуждение этой темы. А когда на площади Горького вырос палаточный городок, она тоже туда пришла. Сын не мог остаться в стороне. «Мама стала собирать подписи, – вспоминал он потом, – я стал бояться, что ее посадят, арестуют, я, естественно, рядом с ней стоял, чтобы, не дай бог, ее не трогали»²⁵. Дина Яковлевна расположилась на площади с антиядерным плакатом. Два протеста объединились. «Кто-то из них (Дина Яковлевна или Немцов. – М. Ф.) подошел и сказал: а можно мы у вас тут в сторонке посидим с нашей темой?» – вспоминает Дмитриевский²⁶.

Палатки простояли около месяца, а тем временем газета «Горьковский рабочий» обратилась к молодому ученому с просьбой высказаться на ее страницах. Физики и в НИРФИ, и в ИПФАНе понимали, что возникшие после Чернобыля страхи преувеличены, советская атомная техника вполне надежна, а установленный на станции реактор относительно безопасен. Но человеческий фактор исключить было нельзя – вдруг какой-нибудь рабочий забудет закрутить какое-нибудь реле, – да и в целом эпоха коммунистических мегапроектов уже ушла в прошлое. С этих позиций Немцов и раскритиковал строительство атомной станции в вышедшей в начале июля статье «Почему я против АСТ»²⁷. Во-первых, при строительстве мог быть допущен брак, писал он, такие примеры известны; во-вторых, Советский Союз не публикует данные о радиационной обстановке, и остается только надеяться, что, случись что, власти предупредят население; в-третьих, такая наземная станция – очевидная мишень во время войны или для диверсии. В общем, достраивать ее незачем, а лучше переоборудовать в газовую котельную.

Статья вызвала большой резонанс. «Антиядерное движение прочитало статью и воскликнуло: „О! Теперь же у нас есть физик!“ И Немцова стали активно звать на все обсуждения и митинги, – вспоминает лидер поволжского экологического движения Асхат Каюмов, тогда член дружины охраны природы Горьковского университета. – Тут мы и пересеклись»²⁸. Так летом 1988 года Немцов стал известен и популярен в городе. В институте даже был установлен специальный ящик для писем Немцову. Он выступал на митингах. Он излагал свои возражения докторам наук в Атомпроекте – и достойно держал удар.

А вскоре академик Гинзбург свел Немцова с Андреем Сахаровым, изобретателем советской водородной бомбы, нобелевским лауреатом и самым известным советским диссидентом. Почти семь лет – с января 1980-го, когда он публично осудил вторжение в Афганистан, по декабрь 1986-го – Сахаров прожил в ссылке в Горьком, полностью отрезанный от внешнего мира: у входа в его квартиру на первом этаже кирпичной девятиэтажки на окраине города всегда дежурил милиционер, КГБ просматривал и прослушивал квартиру из двух зданий по

²⁵ Интервью Бориса Немцова, «Эхо Москвы» (04.03.2013).

²⁶ Из интервью Станислава Дмитриевского автору, 6 июня 2019.

²⁷ Немцов Б. Е. «Почему я против АСТ», Горьковский рабочий (2.07.1988).

²⁸ Из интервью Асхата Каюмова автору, 26 июня 2019.

соседству, а в подвале стояла глушилка, чтобы Сахаров не мог слушать по радио западные «голоса». Соседям внушали, чтобы обходили Сахарова стороной. «Я как раз в это время росла в этом дворе, и мы сбегались посмотреть, когда из столицы к мужу приезжала его жена Елена Боннэр, – вспоминает Екатерина Одинцова, через много лет она станет известной в городе журналисткой, у них с Немцовым родятся двое детей. – Нам, третьеклашкам, она казалась посланницей с другой планеты. Родители нас ужасно ругали, говорили, что нельзя общаться со ссыльным профессором и его женой. Поэтому мы восхищались с безопасного расстояния. Дежурных, которые караулили семью, мы тоже знали в лицо. Кстати, из-за этих дежурных наш двор был самым тихим и безопасным в районе. Все старались стороной обойти»²⁹.

Ссылка была для Сахарова настоящей мукой: много лет он провел в одиночестве, а с мая 1984-го, когда Елену Боннэр, которая была его единственной связующей нитью с миром, тоже приговорили к ссылке в той же квартире в Горьком, Сахаров, по его собственному выражению, превратился в живого мертвеца. Несколько раз он объявлял голодовку, и несколько раз его принудительно кормили – такая форма пытки и унижения. И так до 15 декабря 1986 года, когда в квартире Сахарова вдруг установили телефон, а на следующий день ему позвонил Горбачев. Еще через неделю Сахаров под аплодисменты коллег уже входил в хорошо знакомую аудиторию родного ФИАН, Физического института Академии наук, – собственно, с освобождения Сахарова из ссылки и началась перестройка. И вот в сентябре 1988 года Немцов сидел на кухне в московской квартире Сахарова и Боннэр – как он будет сам потом вспоминать, это было его единственное в жизни выступление в качестве журналиста. Речь шла все о том же проекте атомной теплостанции. В интервью Немцову, которое напечатает популярная горьковская газета «Ленинская смена», Сахаров полностью поддержал Немцова: да, ядерная энергетика нужна, да, эта станция гораздо безопаснее Чернобыльской, но абсолютной безопасности не существует, в конце концов, у оператора станции может случиться помутнение в голове, отсюда вывод – наземные ядерные реакторы надо запретить в принципе. Интервью завершилось так:

Немцов: Несмотря на то что многие горьковчане против АСТ, ее строительство продолжается.

Сахаров: Надеюсь, что вам удастся переломить ход событий. Я целиком на вашей стороне³⁰.

И эти слова произносил не просто моральный авторитет, не просто знаменитость и не просто нобелевский лауреат. За спиной у Немцова стоял политический исполин, герой эпохи: опросы общественного мнения, едва ли не первые в советской истории, показывали, что к осени 1988 года в политических рейтингах Сахаров уже опережал Горбачева.

Когда уходит страх

«Великий и драматический» – так 1988 год описан в дневниках помощника Горбачева Анатолия Черняева³¹. Завершалась холодная война: начался вывод войск из Афганистана, а Рональд Рейган, приехав в мае в Москву, официально, можно сказать, освободил СССР от им же поставленного клейма «империя зла». Зашатался Советский Союз: в феврале в азербайджанском городе Сумгаите погибли несколько десятков армян – сумгаитский погром стал первой в современной советской истории вспышкой массового насилия. Горбачев окончательно осудил сталинизм – и он стал знаменем ортодоксальной коммунистической реакции. Рушились все до одной советские идеологические концепции: диктатура пролетариата, направля-

²⁹ Екатерина Одинцова, Facebook, 18.06.2019.

³⁰ «Академик Андрей Сахаров: „Мы не вправе держать людей в страхе“», Ленинская смена (13.10.1988).

³¹ Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 (М.: РОССПЭН, 2008), с. 365.

ющая роль партии, дружба народов, борьба с мировым империализмом, народная собственность, социалистическая законность – и огромную роль в их крушении сыграла XIX партийная конференция.

Через партконференцию в большую политику вернулся и Борис Ельцин. «В политику я тебя больше не пущу», – сказал ему после его демарша на пленуме в октябре 1987 года Горбачев и сослал из московского горкома в Госстрой³². Оказавшись в политической изоляции, Ельцин с трудом пробился на конференцию. Его посадили на галерку, и сначала Горбачев не собирался давать ему слово, но Ельцин прорвался к трибуне практически силой и произнес острую речь. Попросив партию о «политической реабилитации», он раскритиковал несменяемость членов Политбюро, выступил за отмену привилегий для номенклатуры и за открытую дискуссию внутри партии. «Борис, ты не прав», – отвечал ему с трибуны Лигачев. Так партия раскололась на два крыла – ортодоксальное и демократическое.

А советский народ, наблюдая за ходом конференции, вдруг впервые увидел, что внутри партии возможны споры и дискуссии, что голосования могут быть не единогласными и, самое главное, что это нормально. Что можно выступать против официальной линии партии, и за это с тобой ничего не сделают – не репрессируют, не посадят, даже не выгонят с работы или хотя бы из зала. Это и был переломный момент в истории перестройки – момент, когда из общественного сознания стал уходить страх перед государством. Власть КПСС с виду была еще крепка, но на самом деле уже шаталась. «Начинается какое-то новое время, совершенно неизведанное, непривычное, – так Борис Ельцин описывал атмосферу, сложившуюся после партконференции. – И в этом времени пора находить себя»³³. Выборы народных депутатов СССР были назначены на март следующего года. «Я уже защитил кандидатскую и начал писать докторскую и даже не помышлял о какой-то общественной карьере, – так Немцов сам вспоминал то время. – Но меня стали включать во всякие экологические проекты, приглашать на собрания, акции»³⁴.

Действительно, Немцов был уже не просто успешным молодым физиком – к концу осени он был авторитетным борцом с советским атомным лобби, лидером антиядерного движения города Горького, получившим благословение на борьбу от самого Сахарова. Более того, у Немцова уже появился небольшой опыт проведения избирательных кампаний: в октябре 1988 года Николай Ашин (тот самый, который издавал в НИРФИ стенгазету) выдвинулся в депутаты райсовета, и Немцов стал его доверенным лицом. Они вместе ходили агитировать. Немцов выступал на собрании жителей района, а Ашин лично обошел всех своих избирателей и легко выиграл. И когда зимой началась кампания по выборам депутатов I съезда СССР, уже Ашин потащил Немцова на выборы.

С точки зрения Ашина и других товарищей, Немцов был идеальным кандидатом: молодой, известный, талантливый, адекватный, умный, успешный, без комплексов, что важно, кроме того, обаятельный и любимец женщин. Немцова пришлось уговаривать – он не хотел и не собирался идти в политику. Его по-прежнему увлекала наука. Но давало себя знать честолюбие, а кроме того, и Немцов, и его друзья понимали: шансов стать депутатом у него мало. «Было очевидно, что он не пройдет через окружное собрание, – вспоминает Ашин, – ну не выберут, и хорошо, решили мы: зато пошумим»³⁵. И трудовой коллектив НИРФИ выдвинул Немцова.

Окружное собрание, которого справедливо опасался Ашин, и было тем инструментом, с помощью которого партия планировала держать под контролем ход первых в советской исто-

³² Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему (М: Огонек-Вариант, 1990), с. 1.

³³ Там же, с. 37.

³⁴ Немцов Б. Е. Исповедь бунтаря, с. 12.

³⁵ Из интервью Николая Ашина автору, 16 июня 2019.

рии альтернативных выборов. В больших городах, где уже всюду кипела политическая жизнь, в эти собрания, утверждаемые избирательными комиссиями, пробивались и демократически настроенные активисты – для этого надо было собрать в своем районе подписи в свою поддержку, что не составляло большой проблемы, – и сами собрания проходили в бурных дискуссиях, иногда затягиваясь до утра следующего дня. Но перевес все равно был на стороне парткомов и обкомов, что очевидно уже не отражало сложившийся в обществе баланс сил.

Окружное собрание по округу № 158 города Горького проходило 17 февраля 1989 года в здании городской администрации. Кроме Немцова выдвигались еще два кандидата, оба представители городской элиты того времени – ректор Горьковского строительного института Валентин Найдено и ректор Горьковского университета Александр Хохлов. На их фоне 29-летний Немцов с кудрями и бородой резко выделялся даже внешне. Тем более отличалось его выступление. Несмотря на сильный жар – Немцов пришел на окружное собрание совсем больной, – он говорил ясно и выразительно. «Он выступал с абсолютно либеральной предвыборной программой, – вспоминает Виктор Лысов, тогда демократический активист, а в будущем помощник Немцова. – Он говорил о частной собственности, о многопартийности, о необходимости отменить 6-ю статью Конституции, и все это звучало резко и необычно»³⁶.

Немцова зашикали: большинство присутствовавших представляли КПСС, и небольшая группа поддержки из НИРФИ и ИПФАНа не могла изменить соотношение сил. Окружное собрание завершилось около часу ночи без неожиданностей – Немцова кандидатом не утвердили. Но эта его небольшая предвыборная кампания не прошла бесследно: с конца зимы 1989 года на Немцова в Горьком уже смотрели как на одного из лидеров местной демократической оппозиции. Поэтому, когда меньше чем через год началась новая предвыборная кампания – на этот раз предстояли выборы депутатов съезда РСФСР, – сослуживцы Немцова снова пришли к нему.

³⁶ Из интервью Виктора Лысова автору, 17 июня 2019.

Глава 2

Время больших надежд. 1990

Триумф Ельцина

К старту Первого съезда народных депутатов СССР, с которого Борис Ельцин начал свое стремительное продвижение вверх, против него уже было настроено все Политбюро – и реформаторы, и консерваторы. Консерваторы во главе с Лигачевым давно видели в нем предателя партийных принципов. На Горбачева же огромное впечатление произвела безоговорочная победа Ельцина на выборах в марте 1990 года: выдвинувшись в Москве в депутаты съезда, Ельцин получил почти 90 процентов голосов. Это был триумф. Именно в этот момент Горбачев осознал, каких масштабов достигла популярность Ельцина. Он уже не отщепенец и не сброшенный партией с корабля взбалмошный одиночка – он настоящий политический лидер, за ним поддержка миллионов людей. И именно с этого момента берет начало их противостояние – борьба, которой суждено будет сыграть огромную роль в истории не только Советского Союза, но и всего мира. Ельцин потом описывал их встречу в середине мая 1989 года, за неделю до начала работы съезда: Горбачев предложил ему подумать о работе в правительстве, он отказался. Сделки с Генеральным секретарем Ельцина уже не интересовали – он на полных парах шел вперед, и Горбачев это хорошо понял. Помощник Горбачева Георгий Шахназаров вспоминал о разговоре со своим шефом, который состоялся спустя несколько месяцев: «„А почему бы не удовлетворить амбиции [Ельцина]? Скажем, сделать вице-президентом?“ (Горбачев станет президентом СССР в мае 1990 года. – М. Ф.) – „Не годится он для этой роли, да и не пойдет. Ты его не знаешь. У него непомерное честолюбие. Ему нужна вся власть“»³⁷.

Однако и для демократической интеллигенции, которая тогда владела умами в обеих столицах, Ельцин тоже пока не стал своим: коммунист, еще недавно кандидат в члены Политбюро, к тому же и непоследовательный – то резко критикует коммунистическую идеологию, то рассуждает о «ленинских принципах», то громит партийную номенклатуру, то кается перед ней и просит о «политической реабилитации». Конечно, он решительно не похож на «агрессивно-послушное большинство», по знаменитому определению, которое дал депутатам съезда один из лидеров демократического движения и один из ведущих ораторов того времени, ректор Историко-архивного института Юрий Афанасьев. Отличается и характером – импульсивный, резкий, способный идти наперекор официальной линии (что все наблюдали уже не раз), – и восприимчивостью к общественному мнению: объявил войну привилегиям партийной элиты, призывает решительнее проводить реформы. Но за что выступает Ельцин? Его взгляды в то время были весьма невняты. Накануне съезда это отмечал и Сахаров: «Я отношусь к нему с уважением. Но это фигура, с моей точки зрения, совсем другого масштаба, чем Горбачев. Популярность Ельцина – это, в некотором смысле, „антипопулярность Горбачева“, результат того, что он рассматривался как оппозиция существующему режиму и его „жертва“. Именно этим объясняется, главным образом, феноменальный успех Ельцина (5,2 млн человек – 91,5 % голосов!) на выборах [в Москве]»³⁸.

Похожее впечатление складывалось тогда и у молодого экономиста, а в будущем главы ельцинского правительства Егора Гайдара: «Были хорошо видны силы и политический потенциал, умение ухватить проблемы, которые действительно волнуют людей. И полная неясность в том, куда этот потенциал будет направлен. Особенно смутным было все, что связано с эконо-

³⁷ Шахназаров Г.Х. С вождями и без них (М.: Вагриус, 2001), с. 388.

³⁸ Сахаров А. Д. Горький, Москва, далее везде. Воспоминания (М.: Права человека, 1996).

микой. Постепенно стало ясно – Ельцин готов использовать против дряхлевшего социалистического режима его собственное, правда, давно затупившееся от времени оружие: энергичный социальный популизм»³⁹.

Год назад XIX партконференция стала предвестницей необратимых перемен в стране. Теперь они воплощались в жизнь: в Советском Союзе, в зале заседаний Первого съезда впервые появилась легальная политическая оппозиция – оппозиция тому самому «агрессивно-послушному большинству». Она получила название Межрегиональной депутатской группы (МДГ), а у ее истоков стояла группа московских депутатов во главе с экономистом Гавриилом Поповым, одним из ведущих демократических трибунов того времени. (Скоро она оформится в избирательный блок «Демократическая Россия», мощное движение – протопартию, если угодно, – и до осени 1991 года это будет главная политическая сила страны.) Вопрос о том, как быть с Ельциным, сразу же повис в воздухе. Сам Ельцин претендовал на лидерство, но у организаторов МДГ были сомнения, приглашать ли его вообще: Ельцин популярен, да, но не часть ли он той системы, с которой вступил в борьбу?⁴⁰ В итоге, к своему неудовольствию, Ельцин стал лишь одним из пяти сопредседателей МДГ. Еще одним сопредседателем стал Сахаров⁴¹.

За несколько месяцев до съезда, в конце декабря 1988 года, в телепередачу «Прожектор перестройки» пришло письмо: «Жить так дальше нельзя, как мы сейчас живем... Столовая наша и буфет кормят нас как вздумается, иногда нельзя взять даже колбасы что ни на есть самой плохой. полотенец нет, мыла нет, парной нет». Письмо написали шахтеры с одной из шахт Кузбасса⁴². Шахтеры жаловались и на падение заработков, но главными проблемами стали еда и мыло – ни того ни другого просто не было: в советской экономике наступил глубокий кризис. Закончилось относительное благополучие советской системы второй половины 70-х – первой половины 80-х годов.

В 1986 году цена на нефть резко упала. Советский Союз мгновенно превратился в должника. Но если в 1987–1988 годах страну хоть как-то спасали высокие урожаи, то в 1989-м случился неурожай, и экономика рухнула: западные банки стали отказывать в кредитах, правительству не хватало денег на импорт хлеба, не говоря уж обо всем остальном. Без либерализации цен шаги навстречу рынку, предпринятые правительством – введение хозяйственной самостоятельности предприятий, так называемый хозрасчет, – только усугубили ситуацию: предприятия стали массово повышать себе зарплаты, набравшее обороты печатание денег при чудовищном дефиците бюджета спровоцировало новый виток инфляции, товары окончательно исчезли с полок. В том же городе Горьком в 1989 году в свободной продаже не было не только мяса и масла, но и крупы и макароны уже можно было купить лишь по талонам. В июле 1989 года бастовал не только Кузбасс, но и все шахтерские районы страны – это была первая массовая забастовка в советской истории, до смерти напугавшая Политбюро и Совет министров. В обмен на западные кредиты Горбачев выводил советские войска из Европы.

«Нарастающие экономические трудности, рост дефицита на потребительском рынке... подрывают основы легитимности власти, обеспечивают массовую поддержку антикоммунистической агитации. Особенно это сказывается на ситуации в столицах и крупных городах», – писал Егор Гайдар⁴³. В этом историческом контексте и возник феномен Ельцина: с ним связывали свои надежды все недовольные положением дел в стране, от шахтеров и рабочих до учи-

³⁹ Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед (М.: Вагриус, 1997), с. 71.

⁴⁰ См., например, Зезина М. Р., Малышева О. Г., Малхозова Ф. В., Пихоя Р. Г. Человек перемен. Исследование политической биографии Бориса Ельцина (М.: Новый хронограф, 2011), с. 199.

⁴¹ Межрегиональную депутатскую группу возглавили Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, Андрей Сахаров, Борис Ельцин и Виктор Пальм.

⁴² Письмо было зарегистрировано в объединении Южкузбассуголь 2 февраля 1989 года и затем опубликовано бывшим народным депутатом СССР Теймуразом Авалиани.

⁴³ Гайдар Е. Т. Гибель империи: уроки для современной России (М.: РОССПЭН, 2006), с. 157.

телей и ученых. И когда в конце года началась кампания по выборам депутатов съезда РСФСР, уже всем было ясно: Ельцин – лидер демократического движения. Он – тот таран, который способен сломить дискредитированную коммунистическую систему.

Этот факт стал еще более очевидным 14 декабря 1989 года, когда умер Сахаров. Полгода назад Сахаров говорил с трибуны Первого съезда: «У меня есть мандат выше мандата этого съезда», – и никому не надо было объяснять, что он имел в виду. Ему отключили микрофон, депутаты его захлопывали, но он продолжал. Это был величественный момент: 68-летний Сахаров, на вид заметно старше своих лет, один противостоит улюлюкающей толпе коммунистов. И вот теперь его не стало. Антикоммунистическое движение осталось без морального лидера.

Еще через месяц Немцов вел торжественный митинг в Горьком – на доме, где жил в ссылке Сахаров, в его память была установлена мемориальная доска. «Я считаю, что сегодняшний день – первый шаг к покаянию, – говорил Немцов. – Первый шаг, который мы должны были сделать, чтобы заслужить прощение. Но не последний. Нам необходимо поднять голову и жить не по лжи. И тогда, может быть, тот ужас, который происходил здесь, в этом доме, больше не повторится. Есть те, чья вина безмерна. Они издевались над Андреем Дмитриевичем, следили за ним, обыскивали его квартиру, принудительно кормили его в больнице. Нам не следует уподобляться разъяренной толпе и кричать – распни. Но мы должны спокойно и твердо сказать – уйдите в отставку, не гневите Бога. Они должны уйти, и уйдут»⁴⁴.

Недавно Немцову исполнилось 30 лет. И он шел на выборы в депутаты Первого съезда РСФСР.

Немцов идет в депутаты

Немцов сначала колебался: идти на эти выборы или нет. По сравнению с союзными они были понижением, немного второго сорта – жизнь пока еще кипела на союзном уровне: за съездами, затаив дыхание, следила вся страна, там появлялись новые звезды и новые лидеры, там формировались коалиции, там обсуждались все важнейшие проблемы, там творилась политика. Но главное, перед Немцовым стояла дилемма: как быть с наукой? Физика или политика – на этот раз выбор вставал всерьез.

К концу 1989 года советская наука пришла в совсем плачевное состояние: научные сотрудники еле сводили концы с концами, но падение железного занавеса открыло новые возможности – люди стали уезжать на Запад. Кто на время и по контрактам с научными институтами, а кто и навсегда, по еврейской линии. Немцов колебался. Эмигрировать он не собирался, но несколько его близких институтских друзей уже поехали работать за границу, и их пример выглядел весьма привлекательно – сменить обстановку, пожить в другой стране, заработать какие-то деньги и при этом продолжать заниматься любимым делом. И когда друзья пришли звать его на выборы, Немцов сначала отказался и предложил выдвинуть вместо него популярного тогда писателя и публициста Анатолия Стреляного. «Давайте его, он известный, – вспоминает слова Немцова Николай Ашин, – мы даже связались со Стреляным, но тот отказался»⁴⁵. После этого Немцов быстро дал себя уговорить. Незадолго до выдвижения он зашел посоветоваться к своему приятелю Цимрингу: оставаться или уезжать? Наука или политика? «Я ему говорю: Борь, ну что я тебе буду советовать, только не строй иллюзий – в науку ты уже не вернешься, – вспоминает Цимринг. – Но мне показалось, он для себя в тот момент уже все

⁴⁴ Сахаровские чтения. Отчет. 27 января 1990. Из архива дома-музея А. Д. Сахарова, Нижний Новгород.

⁴⁵ Из интервью Николая Ашина автору, 16 июня 2019.

решил. Ему нужно было получить поддержку от людей, с которыми он работал, – чтобы мы его отпустили с миром»⁴⁶.

На этот раз Немцова выдвинул ИПФАН. На собрание в институте явились представители обкома. Когда прозвучала фамилия Немцова – институт предлагает кандидатуру молодого перспективного ученого, – они недовольно зашипели: он же замешан в неформальном движении, бросает тень на трудовой коллектив. Но за год, прошедший с прошлых выборов, жизнь в стране изменилась: помешать выдвижению кандидатов партия уже не могла. Кандидаты больше не должны были преодолевать фильтр в виде окружных предвыборных собраний. Немцов был утвержден почти единогласно. Вокруг него образовалась небольшая команда, и началась предвыборная кампания – первая настоящая предвыборная кампания в его жизни.

Избирательным округом был весь город Горький. Немцов вошел в объединение «Кандидаты за демократию». То есть он стоял в авангарде целого отряда кандидатов на выборах разных уровней – от райсоветов и облсоветов до съезда народных депутатов РСФСР.

Пожалуй, в тот момент это была самая мощная предвыборная коалиция в Горьком – судя по огромному митингу, организованному «Кандидатами за демократию» на площади Минина в центре города в начале февраля. Выступал Немцов. Выступал его будущий сподвижник, секретарь городского комитета комсомола Сергей Кириенко (он шел на выборы в облсовет). Пришло и высшее городское начальство. Политика делалась на улице, и даже непривычные к уличной полемике партийные боссы понимали, что надо идти туда, к людям. Либеральная предвыборная декларация «Кандидатов за демократию» была опубликована в местных газетах⁴⁷.

В политике они выступали:

- за суверенитет России;
- за передачу власти советам;
- за разделение законодательной, исполнительной и судебной власти;
- за равноправие политических партий;
- за свободу СМИ.

В экономике:

- за равноправие всех форм собственности;
- за упразднение административно-командной системы управления экономикой.

Сама кампания складывалась из интервью и встреч – в домах культуры, в институтах, на заводах, – до четырех встреч в день. Не все шло гладко. Не всюду удавалось пройти. На заводы Немцова не пропускали. «Вдруг оказывалось, что „неожиданно погас свет“, „рабочая смена не закончилась“ или нет нужного разрешения», – вспоминала потом Нина Зверева, известная в Горьком тележурналистка, которая тоже присоединилась к небольшому предвыборному штабу Немцова⁴⁸. Тогда Немцов и Чичагов – он в штабе отвечал за график и проведение встреч – брали сумку с листовками, дожидались конца смены у проходной и раздавали листовки рабочим. С одной встречи на другую они перемещались на автобусе, который Чичагову иногда выдавал секретарь парткома ИПФАНа. Когда в автобусе им отказывали, приходилось перемещаться на чем придется, например, на стареньком грузовом двудверном «москвиче» с металлической коробкой вместо заднего сиденья и багажника. Немцов и Чичагов забирались внутрь этой коробки и направлялись на очередную встречу с избирателями.

⁴⁶ Из интервью Льва Цимринга автору, 3 июня 2019.

⁴⁷ Цитируется по: Ленинская смена (20.01.1990).

⁴⁸ Зверева Н. В. Прямой эфир. В кадре и за кадром (М.: «Альпина Нон-фикшн», 2012).

В феврале 1990 года в Горьком прошел еще один митинг – первый митинг в заречной части Горького, на окраине, там, где располагались заводы и жили в основном рабочие. Рабочие в основном и пришли. «Я помню эту черную массу людей», – говорит Валерий Куликов, тогда член парткома КПСС на Горьковском авиационном заводе⁴⁹. Смысл митинга был простой: положение горьковских рабочих было немногим лучше положения шахтеров Кузбасса. Они требовали перемен. Куликов выступал сам: призывал рабочих бросать пить и выходить на улицы. Выступал и Немцов, но аудитория встретила его плохо. «Для тех лет у меня была достаточно радикальная программа: свобода слова, частная собственность, открытая страна, возвращение городу Горькому исторического имени и, естественно, закрытие атомной теплостанции», – вспоминал потом Немцов⁵⁰. Частную собственность рабочие не принимали и откликнулись недовольным гулом. На территорию завода Немцова не пустили – это делалось по распоряжению КГБ.

В 1990 году КГБ еще пытался перед выборами вставлять палки в колеса независимым кандидатам и следить за политическим порядком в стране – но уже скорее по инерции и без большого успеха. Фотокопии каждого номера стенгазеты, которую делали в ИПФАНе Чичагов с товарищами и которая, как и газета Ашина в НИРФИ, висела на видном месте у входа в столовую института, отправлялись в КГБ и обком партии. После того как на старте кампании в газете появилось интервью с Немцовым, Чичагова сначала вызвали в партком и потребовали снять страницы с интервью со стенда. Дело в том, объяснили Чичагову, что критика Немцова в отношении коммунистов тянет на уголовную статью за оскорбление коммунистической партии, причем под статью попадет не Немцов, а редакция. Прямых оскорблений в тексте не было: Немцов со свойственной ему прямоотой рассуждал о том, что коммунисты «недалекие люди» и, чуть что не по ним, «сразу начинают орать». В общем, интервью надо снять, пока не начались неприятности. Чичагов с товарищами посоветовались и решили оставить все как есть – и Чичагова вызвал к себе прикрепленный к институту офицер КГБ. «Я ему говорю: я интервью снимать не буду», – вспоминает Чичагов⁵¹. А у самого засосало под ложечкой. Но он свой выбор сделал, а КГБ уже не мог что-либо изменить. Аппарат насилия советского режима был сломан, без него коммунистическая власть потеряла контроль над обществом.

Однако на мелкие провокации КГБ еще вполне был способен. Во время предвыборной кампании Лев Цимринг вдруг увидел на пожарном столбе записку, которую он писал Немцову год назад на окружном собрании перед выборами народных депутатов СССР. Тогда на Немцова нападали, его захлопывали, и, желая поддержать и ободрить товарища, Цимринг написал ему: «Боря, не расстраивайся, дерьмо – оно и есть дерьмо». И подписался: Цимринг. И вот теперь – через год! – эта записка, сфотокопированная и размноженная, была развешана по городу. У Цимринга сомнений не было: это сделал кто-то из КГБ⁵². Смысл провокации тоже был совершенно понятен: евреи Немцов и Цимринг считают русских дерьмом.

Перестройка освободила общественное сознание, и к концу 80-х антисемитизм обрел свою нишу в публичном пространстве: слева советскую власть атаковали либералы и западники, справа – националисты и монархисты. Общество «Память», построенное на вере в сионистский заговор, превратилось в заметную политическую силу. Еврейская кровь Немцова, по матери, не могла остаться без внимания. «Боря сразу сказал: хочу пойти на выборы и писать – Борис Ефимович Немцов, еврей, что тут скрывать, если это на каждом заборе, на любой листовке написано, лучше я сам скажу», – вспоминает Нина Зверева. Проблема была в том, что в паспорте – в советских паспортах была графа «национальность» – Немцов был записан как

⁴⁹ Из интервью Валерия Куликова автору, июнь 2019.

⁵⁰ Немцов Б. Е. Исповедь бунтаря, с. 12.

⁵¹ Из интервью Павла Чичагова автору, 4 июня 2019.

⁵² Из интервью Льва Цимринга автору, 3 июня 2019.

русский, по отцу. «И я придумала, – говорит Зверева, – написать в листовке: „Борис Ефимович Немцов, мать еврейка, отец русский“»⁵³. «Я интернационалист, – говорил Немцов в интервью горьковской газете „Ленинская смена“ в феврале 1990 года. – У меня отец – русский, мать – еврейка. Жена у меня наполовину русская, наполовину татарка. Так что в моей дочери соединились три национальности. Я никогда не делил людей по национальному признаку, это варварство. В цивилизованных странах в документах не указывается национальность. Только в нацистской Германии и у нас»⁵⁴.

На одну из встреч Немцова с избирателями пришли националисты. И когда он заговорил о том, что делать, чтобы народу было лучше, с мест раздались крики: «Какому народу?», «Ты же еврей», «За какой народ борешься?» Немцов ответил примерно так же, как в интервью: что он интернационалист, что национальность определяется не графой в паспорте, а культурой и традициями, – но главное были не сами эти слова, а то, как он держал удар. «И тут я увидел, что Немцов силен именно в противостоянии, – вспоминает Чичагов, – когда на него наезжают, он – кремль. Он ответил, ребята эти заткнулись, и в этот момент я понял: он победит на выборах»⁵⁵.

У Немцова было 12 соперников, и все они представляли КПСС. Нина Зверева вспоминает теледебаты в прямом эфире: Немцов выступает последним, молодой, кудрявый, в модном свитере (одолжил у приятеля по такому случаю). Зверева подготовила речь, но, когда очередь дошла до Немцова, все уже устали: полтора часа предыдущих выступлений слились в один мутный гул. Зверева смотрела дебаты из дома: «И я даже подумала: Боря, откажись от речи, придумай что-нибудь. И тут он говорит: вы знаете, тут столько людей все на свете обещают. А я ничего не буду обещать, кроме одного – пауза, – я не буду врать. Сказал и посмотрел в камеру, набычившись так. Я не буду врать. Это было гениально. И с тех пор он вот это – я не буду врать – изо всех сил старался повторять»⁵⁶.

На фоне дюжины статусных функционеров в пиджаках и галстуках Немцов был воплощением новизны. Он олицетворял новый тип политика – современного, молодого, свободного и при этом абсолютно своего. Он победил во втором туре, но уверенно, и стал депутатом Первого съезда народных депутатов РСФСР. Так весной 1990 года Немцов начал политическую карьеру. В России наступало светлое время больших надежд.

Россия против СССР

В политической программе горьковской демократической коалиции суверенитет России не случайно шел первым пунктом. К весне 1990 года эта концепция стала главной движущей силой российской политики. У Горбачева сомнений не было: для Ельцина суверенитет России – это что-то вроде лома, которым тот собрался взламывать власть в стране. Его помощник Шахназаров так и писал потом в мемуарах: «Позиционная борьба соперничающих лидеров вскоре перешла в стадию открытой войны на всех мыслимых фронтах. Временами они сходились, так сказать, врукопашную, обмениваясь увесистыми политическими заявлениями и уничижительными оценками. Но инициатива постоянно исходила от Ельцина. Причем если до этого он держался на заднем плане, вступал в бой только после артподготовки, проведенной штабом и активистами Демроссии (массированные атаки на правительство в прессе, массовые демонстрации в Москве и Ленинграде, забастовки шахтеров), то после смерти А. Д. Сахарова

⁵³ Из интервью Нины Зверевой автору (для фильма «Слишком свободный человек», 2015).

⁵⁴ Интервью с Борисом Немцовым, Ленинская смена (февраль 1990).

⁵⁵ Из интервью Павла Чичагова автору, 4 июня 2019.

⁵⁶ Из интервью Нины Зверевой автору (для фильма «Слишком свободный человек», 2015).

занял место впереди атакующей колонны. Тараном, с помощью которого наносились мощные удары по союзному руководству и президенту, стала идея российского суверенитета»⁵⁷.

Личная вражда двух лидеров, Горбачева и Ельцина, в большой степени определяла повестку дня. Спустившись на этаж ниже, с союзного на республиканский, Ельцин стал расшатывать центральную власть. Он атаковал, а Горбачев оборонялся: Ельцин захватывал новую территорию – Горбачев лавировал, пытаясь удержать власть, которая выскальзывала у него из рук. Он сам нанес смертельную рану советскому режиму: разрушил монополию КПСС – в марте 1990 года добился отмены 6-й статьи Конституции о направляющей роли коммунистической партии, ввел пост президента СССР и стал им. Но список претензий со стороны коммунистических ортодоксов продолжал расти, а демократическая общественность теперь подозревала его еще и в стремлении узурпировать власть в стране. (Что в исторической перспективе было, конечно, несправедливо: Горбачев свою личную власть только уменьшал, а не увеличивал.) Интеллигенция от него отвернулась. Горбачев все больше выглядел слабаком, не способным добиться успеха ни на одном направлении. И чем слабее был Горбачев, тем сильнее казался Ельцин.

Сама по себе идея отделения России от СССР звучала парадоксально, ведь СССР (по крайней мере, в его сталинско-брежневском понимании) и был «Большой Россией», новой редакцией Российской империи. Как можно отделиться от себя самой? Парадоксальность самой постановки вопроса хорошо иллюстрирует сцена, которую описывает в книге Бориса Минаева вдова Ельцина Наина Иосифовна. Она вспоминает, как однажды ранней весной 1990 года Ельцин пришел домой со словами «Надо спасать Россию!»: «Я, честно говоря, ничего не поняла и даже испугалась. Какая Россия? Тогда был Советский Союз, и никто в таких категориях еще не мыслил. Я так и спросила:

– Боря, о чем ты, какая Россия?

– Нашу Россию!

Я уложила его, дала какие-то лекарства, травы, пощупала голову – может, горячая?»⁵⁸

Окраины империи бунтовали уже открыто. Первой положила на стол Горбачеву свою декларацию независимости Эстония – еще в ноябре 1988 года. Затем подтянулись Литва и Латвия, а в августе 1989 года, в 50-летнюю годовщину пакта Молотова – Риббентропа, через все три республики выстроилась живая цепь – в цепи стоял каждый пятый житель Прибалтийских стран! Тогда в Москве стали понимать, что миром удержать Балтийские республики не получится. Движения за независимость крепили и в Закавказье, где кровь лилась уже регулярно: в апреле 1989 года Советская армия жестоко подавила митинг за независимость в Тбилиси, а через несколько месяцев – волнения в Баку. Крепло националистическое движение в Украине. По Восточной Европе прокатилась волна революций – сразу же, как только Советский Союз стал выводить оттуда войска. В ноябре 1989 года пала Берлинская стена, придав новый импульс дезинтеграции Советского Союза. Советская система перестала существовать – прежде всего в головах людей. Но Горбачев по-прежнему в нее верил. «Оказавшись перед тяжким для него выбором – продолжение перестройки или сохранение Союза, – Горбачев в тот момент выбрал Союз, надеясь, что ему удастся словчить и не пожертвовать при этом перестройкой, – пишет в мемуарах его помощник Андрей Грачев. – Так он встал на путь, который привел его к проигрышу того и другого»⁵⁹.

А раз империи больше нет, то что представляет собой ее бывшая метрополия? К весне 1990 года на этот вопрос созрел ответ: Россия и ее народ тоже жертвы косной, лживой и авторитарной союзной – то есть коммунистической – власти. Этот ответ устраивал всех. Пра-

⁵⁷ Шахназаров Г.Х. С вождями и без них, с. 388.

⁵⁸ Минаев Б. Д. Ельцин (М.: Молодая гвардия, 2014), с. 227.

⁵⁹ Грачев А. С. Горбачев.

вому лагерю идея суверенитета дала возможность продвигать националистическую идею (писатель-русофил Валентин Распутин еще в июне 1989-го с трибуны Первого съезда рассуждал о том, не стоит ли России выйти из состава Союза: «Без боязни оказаться в националистах мы могли бы тогда произносить слово „русский“, говорить о национальном самосознании»⁶⁰). Для демократов-западников российский суверенитет символизировал разрыв с советским тоталитарным прошлым – фундамент, на котором можно строить новое свободное государство. Суверенитет становился синонимом субъектности и свободы. На Первом съезде российских депутатов Ельцин так и сказал: «Самый главный, первичный суверенитет России – это человек, его права»⁶¹. Наконец, на фоне наступившей экономической катастрофы и безволия союзного правительства все надежды на улучшение жизни уже были связаны с Ельциным – и с российской властью. В народе крепла надежда, что, сбросив балласт в виде союзных республик, Россия быстро станет богатой и успешной страной. Суверенитет обещал решительность в проведении реформ – и одновременно воплощал экономический интерес нарождавшейся российской элиты, уже готовой подвинуть пожилых союзных бюрократов.

«Российское „возрождение“ стало остроактуальной идеей для абсолютно всех классов, слоев, политических движений, – писал Борис Минаев. – Ельцин придал этой идее черты сухого прагматизма»⁶².

Народ за свободу

Немцов впервые увидел Ельцина на похоронах Сахарова 17 декабря 1989 года. «Ельцин стоял как медведь, – вспоминал он потом, – и голову поворачивал вместе с корпусом». Познакомились они через четыре месяца – 14 апреля 1990 года. Депутаты от демократической коалиции собрались в здании Госстроя, чтобы обсудить предстоящий съезд. Привилегии еще работали, и новая депутатская жизнь сразу давала себя знать: билеты на поезд в Москву теперь можно было купить в отдельной кассе, в гостинице «Россия» депутатов селили с видом на Кремль, а в буфетах давали деликатесную рыбу и красную икру. Выступавший против привилегий Немцов даже устроил буфетчице скандал, когда та попыталась продать ему коробку дефицитных конфет. Депутатский блок «Демократическая Россия» насчитывал к тому моменту больше двухсот человек. Немцов входил в комиссию по подготовке съезда. Он диктовал журналистам ключевые идеологические установки из платформы «Демроссии»: «Первый съезд народных депутатов РСФСР должен сделать то, чего пока не удалось достичь на союзном уровне, – взять на себя всю полноту государственной власти в РСФСР».

Еще совсем недавно демократы смотрели на Ельцина косо. Но к весне 1990 года это был уже совсем другой человек – и другой политик: не порвавший с партией коммунист с популистскими замашками, а бунтарь и народный лидер. «Популист – я не считаю это слово ругательным, – спокойно объяснял тогда Ельцин в одном из интервью. – Как раз многим руководителям не хватает связи с массами, они не знают, как к этой проблеме подступиться»⁶³. Масштаб личности Ельцина уже затмевал все его возможные недостатки, как бы ни раздувала их официальная советская пропаганда. Листовки и газетные статьи, изображавшие его пьяницей, производили обратный эффект и только умножали его популярность: пьет – во-первых, наверняка клеветают, во-вторых, значит, наш, свой. Таких митингов, которые собирались на площадях Москвы и в других городах России в начале 1990 года, Россия не видела никогда. Это были митинги не только в поддержку Ельцина – это были выступления за свободу. «Бывают в

⁶⁰ Выступление Валентина Распутина на Съезде народных депутатов СССР 1 июня 1989 года.

⁶¹ Выступление Бориса Ельцина на Съезде народных депутатов РСФСР 22 мая 1990 года.

⁶² Минаев Б. Д. Ельцин, с. 234.

⁶³ Интервью Бориса Ельцина, май 1990.

истории моменты, когда люди жаждут свободы, – говорил Немцов много лет спустя, – в новейшей истории России такой момент был. Это конец 80-х – начало 90-х. Народ жаждал свободы! Когда на Манежной площади собрались миллион человек, которые требовали сокрушить коммунизм и дать людям свободу, это был искренний порыв!»⁶⁴

Выдающаяся ельцинская харизма, умноженная на всенародную любовь, была наотмашь: крупный, очень большой человек, очень русский, с красивыми, рельефными чертами лица, пусть грубоватый, но невероятно живой, решительный, смелый, честный. Ельцин воплощал надежды всех слоев общества на счастливое будущее – будущее, которое очень скоро наступит, если идти путем реформ, когда свобода и полные прилавки будут друг от друга неотделимы. Немцов смотрел на Ельцина точно так же. Для него Ельцин был сверхчеловеком, гигантом, способным повернуть колесо истории: «Я понимал, что встречаюсь с легендарным человеком, думал, что он прочтет лекцию о свободе, демократии, правах человека, – вспоминал Немцов. – А когда поздоровались, Ельцин вдруг сказал: „Ну какие у вас есть идеи, с чего начнем работать в Верховном совете, какие есть предложения?“ И практически все два с половиной часа, пока длилась встреча, Ельцин молчал. Записывал за нами, что меня несказанно поразило. Может, сказал в конце несколько слов общего характера – что ему очень понравилась встреча, что были важные предложения, причем они касались не только государственного устройства страны, но и проблем развития предпринимательства, налогов и так далее. Меня удивительная скромность Ельцина просто поразила, я думал, что все будет иначе.»⁶⁵

На съезде демократы решали две основные задачи: избрать Ельцина председателем Верховного совета и воплотить в жизнь первый пункт своей политической программы – провозгласить российский суверенитет. Эти задачи дополняли одна другую: суверенитет делал осязаемой власть будущего председателя, а с таким лидером, как Ельцин, было понятно, зачем нужен суверенитет. Работа над декларацией закипела еще накануне съезда. «Я отлично помню, – рассказывает Чичагов, – прибегает Немцов, говорит: давай писать декларацию независимости. Я стал смотреть в декларации других стран, потом мы обсуждали, что там должно быть. И я сидел печатал наш текст на машинке. А потом Немцов его схватил и побежал»⁶⁶.

Немцов понес свой вариант на совещание в специально созданную для работы над декларацией комиссию. Немцову нужен был свой набросок, «рыба», чтобы было что обсуждать. Впрочем, романтический пафос декларации всем демократам был одинаково очевиден: Российская Федерация была полупустой формальностью в составе большой страны под названием СССР – теперь на этом месте должно было появиться настоящее демократическое государство с разделением властей, независимым судом, гарантиями политических прав и свобод и неподвластное диктату КПСС.

Двусмысленность положения России внутри Союза, конечно, осталась: съезд российских депутатов, отмечалось в тексте Декларации, «заявляет о решимости создать демократическое правовое государство в составе обновленного СССР», причем этот обновленный СССР должен был появиться на основе некоего нового договора между республиками. Но появился и другой важнейший пункт – о приоритете российских законов над союзными. В переводе на русский это в первую очередь означало, что Россия не хочет больше кормить другие республики Союза и хочет сама контролировать свой бюджет.

С этим текстом и выступил Борис Ельцин, пока еще один из тысячи с лишним депутатов съезда. Скоро он победил на выборах председателя Верховного совета России. Выборы председателя Верховного совета – фактически на тот момент главы России – имели историческое значение. Это был решающий раунд схватки между Горбачевым и Ельциным. Александр

⁶⁴ Немцов Б. Е. Исповедь бунтаря, с. 16.

⁶⁵ Интервью Бориса Немцова из архива Президентского центра Бориса Ельцина.

⁶⁶ Из интервью Павла Чичагова автору, 4 июня 2019.

Любимов, тогда один из ведущих программы «Взгляд», самого острого и самого популярного телешоу тех времен, и одновременно депутат, вспоминает, как он сам, Немцов и другие молодые демократические депутаты агитировали депутатов-коммунистов голосовать за Ельцина, а не за кандидата Политбюро. Те, у кого, как у Любимова, уже были деньги, скинулись, купили за валюту ящик импортного пива в банках – немыслимая роскошь по тем временам – и раздавали это пиво коммунистам в обмен на голосование за Ельцина. «Те спрашивали: „А если я возьму пиво, а проголосую все равно против Ельцина?“ – рассказывает Любимов. – А мы им отвечали, что при Ельцине такое пиво будет доступно всем, и им в том числе»⁶⁷.

ЦК КПСС и Горбачев противодействовали избранию Ельцина как могли. Горбачев даже сам приезжал на съезд, чтобы агитировать против Ельцина. В итоге Ельцин победил с третьей попытки и с перевесом в четыре (!) голоса. Именно эта победа открыла ему дорогу к высшей власти, и именно в этот момент Горбачев потерпел от него решающее поражение.

Но тогда этого еще не понимал никто, и тем более сам президент СССР, который, как писал его помощник Шахназаров, в тот момент «ни во что не ставил Ельцина, сам себя убеждал, что потенциал соперника исчерпан, и пытался убедить в том же общество»⁶⁸. Выиграв выборы, Ельцин взошел на самую верхнюю ступеньку в российской иерархии. В своих мемуарах Ельцин вспоминает, как вошел в свой новый просторный кабинет в Белом доме – в том самом здании, по которому через три года по его приказу будут стрелять танки, – и, услышав от помощника «Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили!», задумался: «Ну и что дальше? Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили»⁶⁹.

На вопрос, что это значило – «отхватить Россию» – и что такое вообще Россия, отвечала Декларация о государственном суверенитете, прообраз будущей конституции. 12 июня 1990 года под грохот аплодисментов Декларация была принята на съезде подавляющим большинством: из тысячи с лишним депутатов более 900 проголосовали «за». «Самое главное достижение съезда – это то, что мы выбрали председателем Верховного совета РСФСР Бориса Николаевича Ельцина, – объяснял потом журналистам Борис Немцов. – Это человек с очень большими потенциальными возможностями, человек, несомненно, умный, прогрессивный и очень работоспособный. Важным мне кажется и наше стремление изменить систему: и политическую, и экономическую. Сейчас, наверное, уже все понимают, что без радикального изменения политической системы невозможно совершить и экономический переворот»⁷⁰.

А еще через месяц Ельцин демонстративно выйдет из КПСС – прямо на съезде партии, на глазах у Горбачева и всего Политбюро. Российский лидер поставит под своим прошлым жирную точку, и с этой точки начнется новый исторический этап – строительство демократической, свободной России.

Последний шанс сохранить Союз

В Верховном совете России, том самом российском «парламенте», который возглавил Ельцин и который стал работать после того, как закрылся съезд, Немцов пошел в комитет по законодательству⁷¹. Сергей Шахрай, в ближайшем будущем один из ключевых участников ельцинской команды, тогда только возглавил этот комитет. Он прекрасно помнит, как к нему пришел Немцов: «Был жаркий летний день. Я точно помню: светлые штаны, сандалии, рубашка

⁶⁷ Из интервью Александра Любимова автору, 12 октября 2019.

⁶⁸ Шахназаров Г.Х.. С вождями и без них, с. 383.

⁶⁹ Ельцин Б. Н. Записки президента (М.: Издательство «Огонек», 1994), с. 33.

⁷⁰ Интервью с Борисом Немцовым, Ленинская смена (июнь 1990).

⁷¹ Верховный совет России, постоянно действующий орган съезда, формировался из числа народных депутатов по сложной процедуре. Регламент позволял народным депутатам входить в составы комитетов и комиссий Верховного совета, и Немцов, не будучи членом ВС, входил в состав комитета по законодательству.

с коротким рукавом. Улыбка, волосы в разные стороны. Говорит: „Сергей Михайлович, я хочу работать в комитете по законодательству“. Я его спрашиваю: „Зачем? Вы же физик“. А он говорит: „Хочу писать закон о земле“. Тут у меня челюсть отвисла. „Я, – говорит, – знаю, какие проблемы этим законом надо решить. Поручите мне в комитете вести этот закон“. Совершенно удивительное предложение, нестандартное. Думаю: или у него что-то интересное получится, или шею свернет. Говорю: „Давайте попробуем“»⁷².

Летом 1990 года на страну надвигался голод. Причем это была не метафора: с прилавков пропало все. На талонную систему перешла даже столица, которая традиционно снабжалась лучше других больших городов. В родном для Немцова Горьком городские депутаты требовали отпустить собирать урожай всех от мала до велика, кроме сотрудников скорой помощи, чтобы хоть как-то обеспечить пропитание в городе. По России прокатились табачные и водочные бунты – даже в Москве люди перекрывали улицы, требуя сигарет. «Редакцию захлестнули звонки от жителей города, которые не могут отоварить свои талоны на мясопродукты, на сахар, – писала горьковская газета „Ленинская смена“. – „Сколько это будет продолжаться!“ – восклицают издерганные ежедневными мытарствами люди. Выслушивая каждый день массу упреков, жалоб и даже угроз, мы собственной кожей чувствуем, как повышается температура общественного негодования. Промедление чревато социальным взрывом!»⁷³

Горбачев и союзное правительство колебались, но Ельцин понимал, что ждать нельзя. Разработка реформ – либерализация рынка земли и торговли, введение частной собственности – началась полным ходом. Все надо было делать с нуля. Семьдесят два года страна не знала частной собственности, а единственными формами ведения сельского хозяйства были колхозы и совхозы. Идея перехода к частной собственности на землю звучала как предательство дела социализма – и вообще это было что-то неслыханное. Будущий министр сельского хозяйства Виктор Хлыстун помнит, как Немцов явился на заседание рабочей группы по земельной реформе в июне 1990 года: «Он плохо представлял себе суть земельных отношений, но ему очень импонировала сама идея многообразия форм собственности. Он выступил коротко и жестко. И стал регулярно приходить на заседания аграрного комитета по земельной теме»⁷⁴.

Идея Хлыстуна заключалась в том, чтобы помимо частной собственности на землю в сельском хозяйстве появились кооперативы и фермы. Чтобы помочь Хлыстуну, Немцов стал продвигать реформу в своем комитете. В итоге закон был принят. Но в повестке дня стоял и другой вопрос: а кто все это будет проводить в жизнь? Так Немцов познакомился с экономистом Григорием Явлинским, который в течение уже нескольких месяцев разрабатывал программу реформ и только что стал вице-премьером нового российского правительства. Скоро эта программа получит название «500 дней». Работа над ней шла на специально выделенной для этого даче под Москвой, в поселке Архангельское. Летом 1990 года Немцов с Раисой прожили в Архангельском около месяца. Там Немцов и увидел Явлинского: «Обсуждали, как ни странно, земельную реформу, – вспоминал Немцов. – Было много и других вещей, связанных с деталями программы „500 дней“, со стратегией приватизации, демонополизации рынка, отпуска цен, создания открытой экономики и так далее... Мы с Явлинским даже обсуждали назначение министра сельского хозяйства, поскольку я в комитете по законодательству занимался проблемами земельной реформы. И тогда был назначен Виктор Николаевич Хлыстун. Очень даже неплохой министр»⁷⁵.

⁷² Из интервью Сергея Шахрая автору, 28 июня 2019.

⁷³ Ленинская смена (22 августа 1990 года).

⁷⁴ Из интервью Виктора Хлыстуна автору, 5 июня 2019.

⁷⁵ Немцов Б. Е. Провинциал (М.: Вагриус, 1997).

Звезда Явлинского только поднималась на небосклоне. К середине 1990 года ни у одного профессионального и идеологически незапороженного экономиста уже не было сомнений в том, что надо делать. Программа рыночных реформ, запущенная в Польше экономистом Лешеком Бальцеровичем, служила ориентиром. Можно было спорить о деталях, но и диагноз, и суть необходимой стране экономической терапии были всем очевидны: либерализация цен, финансовая стабилизация, приватизация. Все это было в программе «500 дней», и, как писал Егор Гайдар, «одно публицистическое нововведение было, без сомнения, блестящим – раскладка по дням»⁷⁶.

Изначально программа Явлинского была рассчитана на 400 дней. В руках Ельцина она оказалась почти случайно, в мае 1990 года. Сам Явлинский потом уверял, что кто-то просто украл текст у него из рабочего компьютера в офисе союзного правительства, где он тогда занимал невысокую должность главы отдела. Одним майским днем ему позвонил профессор экономики и его коллега по союзному правительству Евгений Ясин со словами: «А там Ельцин куски из твоей программы зачитывает.» При чем из слов Ельцина следовало, что реформы продлятся 500 дней, а не 400. Явлинский грешил на экономиста и соратника Ельцина Михаила Бочарова, который был вхож к Горбачеву и при этом метил в премьер-министры России. И Явлинский пошел к нему. «Зачем вы обманываете Ельцина, – сказал он Бочарову, – ведь это союзная программа. У России в подчинении одни химчистки и прачечные. И уж тем более не обойтись без повышения цен». Через несколько дней Явлинского в своем кабинете уже ждал Ельцин. Аргументы на него не действовали. Выслушав возражения, он нахмурился и произнес: «Должно быть, как я сказал: за 500 дней и для России. Идите готовьте текст»⁷⁷.

Так Явлинский совершил стремительный карьерный взлет – из кресла главы отдела в союзном правительстве он пересел ни много ни мало в кресло республиканского вице-премьера. Но программа тем не менее оставалась невыполнимой на российском уровне: без включения союзных рычагов власти она превращалась в филькину грамоту. Союзные республики все еще были беспомощны перед центром. Тогда Явлинский понял: это должна быть совместная программа СССР и России, ведущей союзной республики. Значит, надо идти к Горбачеву. Но как убедить Горбачева объединить усилия с Ельциным, а Ельцина – заключить союз с Горбачевым? Сначала Явлинский полетел к Ельцину, который уехал отдыхать в Юрмалу. Там во время прогулки по пляжу Явлинский рассказал ему о своей идее: надо создать рабочую группу на уровне двух правительств и подготовить общую реформу – пускай Россия встанет в авангарде реформы экономики всего СССР. Поколебавшись, Ельцин согласился. «Так я могу идти к Горбачеву?» – спросил Явлинский. Ельцин кивнул⁷⁸.

Горбачева уговаривать не пришлось. Подавленный нанесенными ему поражениями на российском съезде, он увидел в программе Явлинского выход из тупика. Кроме того, экономические реформы – и сотрудничество с Ельциным – приближали его к заветной цели: удержать СССР от распада. Биограф Горбачева Уильям Таубман рассказывает, что, когда экономический советник президента СССР Николай Петраков принес ему записку с кратким изложением программы Явлинского, Горбачев «сначала бегло просмотрел послание, но затем вчитался в него и с явными признаками оживления спросил:

- Где этот парень?
- Он сидит у себя на работе.
- Где он работает?... Зови его скорее»⁷⁹.

⁷⁶ Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед, с. 74.

⁷⁷ Из интервью Григория Явлинского автору, сентябрь 2019.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время (М.: Corpus, 2019), с. 491.

Программой «500 дней» Горбачев заинтересовался всерьез. Он сам встречался с командой Явлинского и заставлял встречаться едва ли не всех министров. Совещания шли одно за другим, и Горбачев лично вникал в детали. Но союзное правительство во главе с премьер-министром Николаем Рыжковым восстало против перемен. Советская бюрократическая система просто не могла доверить свое будущее 30-летним экономистам, рассуждавшим про свободные цены и частную собственность. Те тоже были настроены решительно. На одно из таких совещаний в Архангельском приехал Николай Рыжков – с кортежем, как положено главе союзного правительства, – и даже привез с собой обед на всех участников из специального пайка премьера (еда, о которой молодые экономисты в 1990 году могли только мечтать). Во время совещания 28-летний научный сотрудник Андрей Вавилов, в будущем заместитель министра финансов в правительстве Егора Гайдара, при всех порекомендовал Рыжкову уйти в отставку. Тот моментально встал, вышел из помещения и уехал. Несмотря на энтузиазм Горбачева, у программы «500 дней» не было шансов: мышление старой гвардии и программа радикальных реформ были несовместимы.

Переговоры и совещания продолжались около месяца, и в конце концов Горбачев сдался. Он так и не смог решиться на резкие шаги в экономике. Программа «500 дней» была похоронена. «Ну как я мог вам доверить будущее страны? Вы были такие неопытные, я вас вообще не знал», – спустя много лет объяснял Горбачев свой отказ Сергею Алексащенко, одному из авторов программы «500 дней»⁸⁰. Так, возможно, был упущен последний шанс реформировать Советский Союз по управляемому сценарию. В октябре 1990 года Явлинский подал в отставку и ушел из ельцинского правительства. «С этого момента вплоть до осени 1991 года о какой бы то ни было экономически осмысленной политике можно было забыть. Между рушащимся Союзом и Россией началась ожесточенная борьба за власть», – писал Гайдар⁸¹.

Ельцин снова пошел в атаку. «Самый крупный результат нашей работы – создание программы радикальной экономической реформы, – говорил он с трибуны Верховного совета РСФСР. – Инициатива по ее разработке принадлежит России. Но ситуация в республике не улучшается. Главная причина – экономическая необеспеченность нашего суверенитета»⁸². Ельцин хорошо понимал, что он делает. Он опять начинал подготовку к выборам. Он хотел стать президентом.

Немцов за границей

Став народным депутатом РСФСР, Немцов погрузился в политическую жизнь. НИРФИ выделил ему как депутату комнату на цокольном этаже в одном из своих помещений. Борьба с КПСС по-прежнему была в центре политики, и в штабе Немцова в Горьком началась работа над антикоммунистической газетой. «Мы стали бороться против Горбачева и за Ельцина», – вспоминает соратник Немцова тех лет Виктор Лысов: агитировали за него, поддерживали все его начинания. А в Москве обаятельный и общительный Немцов завел тысячу новых знакомств – от депутатов до телезвезд.

В частности, Немцов близко сошелся с депутатом Виктором Аксючицем. Через семь лет, когда Немцов придет в Москву на должность первого вице-премьера, Аксючиц станет его советником, а тогда Аксючиц был, во-первых, религиозным активистом – одним из основателей Российского христианского демократического движения, – а во-вторых, одним из первых российских успешных предпринимателей. И благодаря Аксючицу в августе 1990 года Немцов

⁸⁰ Максим Миронов. Разговор с Сергеем Алексащенко о 90-х и не только, «Эхо Москвы» (10 сентября 2018).

⁸¹ Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед, с. 75.

⁸² Из выступления Ельцина на Второй сессии ВС РСФСР 16 октября 1990 года.

впервые в жизни оказался за границей – в Париже, где Аксютин проводил конгресс молодых христиан и встречи с российскими эмигрантами.

В 1990 году контраст между серой, темной, полуголодной советской реальностью и миром Запада вызывал у любого, кто там оказывался впервые, глубокий культурный шок. Это было сравнимо с высадкой на другую планету. Помощник Ельцина Лев Суханов в своих мемуарах вспоминает потрясение своего шефа от прогулки по обычному супермаркету в Хьюстоне во время визита в США в сентябре 1989 года. После этого, уже в самолете, Ельцин долго не мог прийти в себя, «сидел, зажав голову ладонями», а потом уже дал волю чувствам: «До чего довели наш бедный народ.» – причитал он. «Я допускаю, – писал Суханов, – что именно после Хьюстона, у Ельцина окончательно рухнула в его большевистском сознании последняя подпорка»⁸³. Мир капитализма в его повседневном воплощении оказался настолько лучше – во всех смыслах слова – советской жизни, что это было очень трудно уложить в голове. Немцов, конечно, был не так сентиментален, как Ельцин, но и он ходил по Парижу вытаращив глаза – и по Елисейским Полям с их магазинами и бутиками, и по Монмартру с его уличными художниками, и по улице Сен-Дени с ее секс-шопами, стриптизом и дешевыми варьете. «Он сдерживал свои чувства, – вспоминает Аксютин, который в молодости был моряком и бывал в европейских столицах, а потому сопровождал Немцова в прогулках по Парижу на правах старшего опытного товарища, – но было видно, что он в шоке от всего этого невероятного блеска»⁸⁵. Въяве Запад выглядел сбывшейся мечтой – мечтой, которую и в России можно воплотить в жизнь, если Россия будет свободной.

В эти месяцы в голове у Немцова, как и у подавляющего большинства демократически настроенных людей, понятия «Ельцин» и «свобода» уже были почти синонимами. И это представление крепло по мере того, как Горбачев все чаще полагался на коммунистических ортодоксов в своем окружении, а союзная власть все прочнее ассоциировалась с политической реакцией. Перестройка себя дискредитировала новым повышением цен и денежной реформой, которую в народе называли «павловской» (по имени нового премьер-министра Валентина Павлова). Продолжались шахтерские забастовки. В январе 1991 года Москва решилась на силовые действия в объявившей независимость Литве: советские танки вошли в Вильнюс, и при штурме телецентра 14 человек погибли (до сих пор неизвестно, участвовал ли в принятии этих решений сам Горбачев). С этого момента демократические митинги в Москве и других городах России уже носили отчетливо антигорбачевский характер. Причем в Москве под лозунгами «Сегодня Литва. Завтра Россия. Не допустим!» и «Свобода умрет вместе с нами» на улицы выходили сотни тысяч людей. Горбачев пытался даже запрещать митинги, но безуспешно. Ельцин уже открыто – в телевизионном интервью, которое транслировалось на весь Советский Союз, – призывал Горбачева уйти в отставку⁸⁶.

В этом контексте всероссийский референдум 17 марта 1991 года о введении поста президента России воспринимался как еще один шаг к свободе. Немцов стал одним из примерно ста доверенных лиц Ельцина, когда тот пошел на выборы. Известный в народе депутат, уже добившийся выполнения как минимум двух своих предвыборных обещаний – городу Горькому было возвращено его историческое название Нижний Новгород, а сам город открыли для иностранцев, – Немцов теперь агитировал за Ельцина как кандидата в президенты. Сомнений в том, что Ельцин выборы выиграет, в команде Немцова не было. Исход выборов был ясен – вопрос был лишь в том, понадобится ли второй тур.

⁸³ Немцов, в частности, пересказывал историю, которую ему поведал влиятельный тогда депутат Николай Травкин: как они с Ельциным зашли в супермаркет в ходе поездки в Швецию и Ельцин «расплакался прямо там».

⁸⁴ Суханов Л. Е. Как Ельцин стал президентом. Записки первого помощника (М.: Эксмо: Алгоритм, 2011), с. 84.

⁸⁵ Из интервью Виктора Аксютина автору, 25 сентября 2017.

⁸⁶ Телеинтервью Бориса Ельцина 19 февраля 1991 года.

Удивительным образом, даже тогда, будучи российским депутатом и доверенным лицом Ельцина, Немцов еще не думал, что политика навсегда станет его призванием. Свой поход в политику он воспринимал как временный. Он продолжал преподавать и все еще видел свое будущее в науке. Он не лукавил и не кокетничал, когда в одном из интервью в мае 1991 года говорил: «Настал такой момент, что уже и наукой стало трудно заниматься. Сейчас наше будущее и наша судьба – они в политической жизни. Я надеюсь, что года через три-четыре и научная интеллигенция, и творческая отойдут от политики: будет возможность и им, и другим людям свободно трудиться, чтобы им никто не мешал. Наше присутствие в политике недолговечно – именно интеллигенции»⁸⁷.

Такое в это время было понимание жизни. У тех, кто занимался тогда политикой, не было ощущения, что это всерьез и надолго. «Казалось, [в политику] можно сходить и потом уйти», – вспоминал потом один из будущих соратников Немцова по правительству Александр Шохин⁸⁸. В эти майские дни 1991 года ни Немцов, ни другие не подозревали, что через несколько месяцев Советский Союз перестанет существовать и их жизнь изменится навсегда.

⁸⁷ Молодой Немцов, интервью Нине Прибутковской, 31 мая 1991 года.

⁸⁸ Авен П. О., Кох А. Р. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук (М.: «Альпина Паблишер», 2015), с. 125.

Глава 3

Последняя битва. 1991

Первый президент

Парадоксальным образом, Горбачева в то время одновременно обвиняли и в диктаторских замашках, особенно после зимы 1991-го, и в слабости. Чаще в слабости. И Ельцин шел в президенты России на контрасте с нерешительностью Горбачева и всей союзной власти: Горбачев боится реформ – он, Ельцин, готов к ним; Горбачев лавирует и петляет – он, Ельцин, идет прямо вперед, к демократии. Идея, что президент страны должен быть сильным и решительным, вытекала из политического контекста, из самой борьбы между Ельциным и Горбачевым. «Главный парадокс России заключался в том, что ее государственная система давно брела сама собой, по большому счету ею никто не управлял, – напишет Ельцин в своих мемуарах. – Настоящему властному лидеру в России давно уже не было»⁸⁹. Президент должен быть лидером, лидер должен быть сильным – эти истины в доказательствах не нуждались.

Ровно через год после того, как была принята Декларация о суверенитете РСФСР, Ельцин победил в первом туре президентских выборов и стал первым президентом России. Инаугурация была назначена на 10 июля. Торжественность момента невозможно было переоценить. Все происходило впервые. Впервые во главе России встал всенародно избранный президент. Впервые он присягал перед своим народом. Впервые звучали слова об ответственности власти перед обществом.

«Веками в нашей стране власть и народ были на разных полюсах... Веками государственный интерес ставился выше человека, – говорил Ельцин на торжественной церемонии перед российскими депутатами. Он заметно нервничал, но лишь один раз взглянул на текст, который держал в ладони. – Впервые граждане России сделали свой выбор. Они выбрали не только президента, но прежде всего тот путь, по которому предстоит идти нашей родине. Это путь демократии, путь реформ, путь возрождения достоинства человека»⁹⁰.

И под «Патриотическую песню» Глинки – гимн России с ноября 1990 года – над одним из корпусов Кремля, где Горбачев выделил для Ельцина резиденцию, был поднят российский флаг. (Это был хорошо знакомый всем советским людям флаг РСФСР – красный с синей каймой у древка.) Наступило удивительное время, хотя и ненадолго. Два медведя сидели в одной берлоге, а над Кремлем развевались два флага одновременно – союзный и российский. Ни в этот момент, ни позже у Ельцина не было сомнений, что ему судьбой предначертана историческая миссия – провести Россию через бури реформ к подлинной свободе.

Горбачев принимает гостей

В теплый июньский день 1991 года в резиденцию посла США в СССР вошел Гавриил Попов, один из лидеров демократического движения, только что победивший на выборах мэра Москвы. Расположившись вместе с послом Джеком Мэтлоком за столом в его кабинете, Попов начал разговор ни о чем и одновременно написал что-то ручкой на листе бумаги. Он понимал, что резиденцию прослушивает КГБ. Подвинув записку к себе, Мэтлок прочел: «Готовится попытка снять Горбачева. Надо сообщить Борису Николаевичу». Только что избранный президент Ельцин находился в тот момент в Вашингтоне, через три часа должна была состо-

⁸⁹ Ельцин Б. Н. Записки президента, с. 34.

⁹⁰ Выступление Ельцина после принесения президентской клятвы 10 июля 1991 года.

яться его встреча с президентом США Бушем. Мэтлок написал в ответ: «Я передам. Кто это делает?» Попов снова взял ручку и написал четыре фамилии: Павлова, главы советского правительства, председателя КГБ Крючкова, министра обороны Язова и председателя Верховного совета СССР Лукьянова.

Вечером Мэтлок уже был у Горбачева в Кремле, но фамилий ему называть не стал. «Ну как можно было поверить, – писал потом Мэтлок в своих мемуарах, – что американский посол сообщает главе государства, которое до недавнего прошлого было противником его страны, что премьер-министр этого государства, глава разведки, министр обороны и председатель парламента устраивают против него заговор?»⁹¹ Выслушав Мэтлока, Горбачев усмехнулся и заверил его, что все под контролем. А после встречи сказал своему помощнику Черняеву: «Ты знаешь, [Евгений] Примаков (в тот момент член Совета безопасности СССР и один из соратников Горбачева. – М. Ф.) мне вчера заявляет: „Михаил Сергеевич, вы слишком доверились КГБ, службе вашей безопасности. Уверены ли вы в ней?“ „Вот, говорит М. С., и этот – паникер“, – вспоминает Черняев⁹³. Горбачев был самоуверенным идеалистом. Он не мог поверить, что его собственные назначенцы поднимут на него руку⁹⁴.

О подготовке путча Горбачев мог судить и по другим признакам. На самом деле партия реакции шла в атаку с конца 1990 года, а Горбачев поначалу ей даже подыгрывал: во-первых, потому что был поглощен войной с Ельциным; во-вторых, потому что просто был растерян. Проиграв свою последнюю политическую кампанию – за программу «500 дней», – он перестал понимать, что делать дальше. «Он исчерпал себя интеллектуально как политик. Он устал, – писал потом Черняев. – Время обогнало его, его время, созданное им самим»⁹⁵. Зато воодушевились консерваторы. В январе спланированная председателем КГБ Владимиром Крючковым кровавая попытка переворота в Вильнюсе стала, по сути, первой репетицией путча. Затем на стол Горбачеву легли подготовленные в КГБ записки о том, что в ходе массовых демократических митингов планируется штурм Кремля. Горбачев поддался на эту дезинформацию – запретил демонстрации и даже дал согласие на ввод войск в Москву. В столицу вошли бэтээры и 50 тысяч военных, но Горбачев передумал и распорядился вывести войска.

Ситуация изменилась в середине весны, когда Горбачев начал переговоры с Ельциным и другими руководителями союзных республик о новом союзном договоре. Эти переговоры вошли в историю как новоогаревский процесс. Смысл их был в том, чтобы реформативировать СССР: дать Союзу еще один шанс уже как федерации независимых государств, делегирующих центру некоторые конкретные функции, такие как оборона, денежная эмиссия и пр. Новоогаревский процесс знаменовал новое перемирие между Горбачевым и Ельциным, и теперь реакционеры в союзной власти уже шли против Горбачева, а не вместе с ним против демократов и Ельцина.

Первые требования отставки Горбачева прозвучали на пленуме ЦК КПСС еще в апреле. А в июне, за три дня до визита Попова к Мэтлоку, на сессии Верховного совета СССР новый союзный премьер-министр Павлов со свойственной ему наглостью потребовал наделить правительство чрезвычайными президентскими полномочиями – по сути, отнять их у президента. Павлов ссылаясь на то, что Горбачев слишком загружен работой. Для Горбачева это обращение Павлова к парламенту стало полным сюрпризом.

⁹¹ У Попова были свои источники в КГБ. Один из родоначальников демократического движения Евгений Савостьянов рассказывает в своей книге «Демократ-контрразведчик», что идея отправить Попова к Мэтлоку принадлежала ему: никакого другого надежного способа переправить информацию через океан не было. Но Буш, вместо того чтобы проинформировать Ельцина, сам позвонил Горбачеву.

⁹² Мэтлок Дж. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза (М.: Рудомино, 2003).

⁹³ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника президента СССР (М.: Терра, 1997), с. 83.

⁹⁴ После возвращения из Фороса Горбачев сказал на пресс-конференции, что больше всего доверял Крючкову и Язову.

⁹⁵ Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991.

А еще через час с той же трибуны уже Владимир Крючков рассказывал депутатам, как десятки лет назад американская разведка внедрила в российское руководство своих агентов. Он имел в виду уже отодвинутого Горбачевым «архитектора перестройки» Александра Яковлева, который в конце 50-х годов стажировался в Колумбийском университете в Нью-Йорке, а затем служил советским послом в Канаде. Впервые с перестроечных времен с высоких трибун зашла речь о направляемой Западом пятой колонне во власти – через 15–20 лет на этом тезисе будет строиться государственная пропаганда, – но, главное, как писал про эту сцену биограф советского президента Уильям Таубман, «невозможно было себе представить более наглую атаку на Горбачева»⁹⁶.

Горбачев пропустил и этот удар. Отставок не последовало. Горбачев уже столько раз демонстрировал безволие и слабость, что его соратники-охранители вели себя как стая хищников, почувствовавших запах крови. Так стихийно созрел заговор против перестройки и против Ельцина с Горбачевым одновременно. В конце июля газета «Советская Россия», где два года назад вышло то самое сталинистское письмо Нины Андреевой, опубликовала «Слово к народу» – воззвание, которое можно считать манифестом будущего ГКЧП (и подписанное некоторыми его членами). «Как случилось, – вопрошали авторы, – что мы... допустили к власти не любящих эту страну, раболепствующих перед заморскими покровителями, там, за морем, ищущих совета и благословения?... Скажем „нет“ губителям и захватчикам!»

В ночь с 29 на 30 июля Горбачев, Ельцин и президент Казахстана Назарбаев встретились в резиденции Горбачева в Ново-Огареве. Проект нового союзного договора был готов, и президенты решили перенести подписание с конца сентября на 20 августа. Кроме того, Ельцин требовал, чтобы Горбачев отправил в отставку Павлова, Язова и Крючкова, – и Горбачев согласился. Обсуждая этот деликатный кадровый вопрос, трое лидеров даже специально вышли на балкон – по просьбе опасавшегося прослушек Ельцина. И Ельцин и Горбачев потом настаивали, что их разговор все равно был записан КГБ и передан Крючкову – и тот понял: медлить больше нельзя, надо действовать. Впрочем, будущим путчистам прослушка и не требовалась. «Одного только текста союзного договора было достаточно, – пишет исследователь путча немецкий журналист Игнац Лозо, – чтобы Крючков, Язов и Павлов однозначно поняли, что в случае его подписания они в значительной мере или полностью потеряют власть»⁹⁷.

Последний председатель КГБ СССР Владимир Крючков успел поработать прокурором еще при Сталине. Но определяющим для его мировоззрения стал 1956 год, когда он, уже перейдя на дипломатическую службу, работал секретарем советского посольства в Будапеште – под началом будущего председателя КГБ и генсека Юрия Андропова. Андропов тогда служил советским послом в Венгрии и с тех пор навсегда стал для Крючкова и ментором, и начальником, и путеводной звездой. Андропов и Крючков своими глазами видели, как в октябре 1956 года Венгрия восстала против коммунистической власти, как Советская армия натолкнулась на ожесточенное сопротивление на улицах Будапешта, как после распоряжения Никиты Хрущева вывести войска из города начались расправы над коммунистами – их вешали на деревьях – и как Советская армия вернулась в Будапешт и утопила восстание в крови. Андропов и Крючков своими глазами увидели, на чем держится власть – на силе и на страхе – и что случается с этой властью, когда силы и страха нет.

Сам фаворит и ставленник Андропова, Горбачев с самого начала видел в Крючкове прежде всего андроповского помощника, который звезд с неба не хватает, зато будет ему послушен и услужлив. Именно так в 1988 году, в разгар перестройки, судьба и вознесла Крючкова

⁹⁶ Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время, с. 545.

⁹⁷ По приказу Крючкова КГБ действительно давно прослушивал телефонные разговоры Ельцина и других российских лидеров, но утверждать наверняка, что тот самый исторический разговор на балконе в Ново-Огареве был подслушан, нельзя. Лозо полагает, что это один из многочисленных слухов, рожденных драматическими событиями августа 1991 года.

⁹⁸ Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было (М.: Росспэн, 2014), с. 160.

в председатели КГБ, на должность, для которой трудолюбивый, но малообразованный аппаратчик – тихий старичок со стальным взглядом, как назовет его в своих мемуарах Ельцин, – конечно же подходил плохо. Крючков честно пошел за Горбачевым, но перестройку принять не смог: с каждым новым днем лояльность давалась ему все труднее. К весне 1991 года он уже был одним из лидеров консервативного крыла в окружении Горбачева, которое стремились любыми способами повернуть перестройку вспять и восстановить контроль над расползающейся советской империей.

Первого августа Ельцин первым раскрыл карты: он объявил, что новый союзный договор будет подписан 20 августа. Второго августа это официально подтвердил Горбачев. Это означало, что дороги назад нет: новые отношения между центром и республиками – реальность самого ближайшего будущего. Еще через день, 4 августа, Горбачев улетел в отпуск – в свою резиденцию в Форосе, в Крыму, а на следующий день, 5 августа, Крючков собрал будущих путчистов в секретной резиденции КГБ в Ясеневе (так называемый объект АБЦ). Именно он возглавил заговор, и именно он сформулировал заговорщикам их задачу: полететь к Горбачеву в Форос, предложить ему ввести чрезвычайное положение в стране, а если тот не согласится, «временно» передать президентские полномочия вице-президенту Геннадию Янаеву.

Восемнадцатого августа примерно в 16.30 в резиденции президента СССР в Форосе была отключена связь с внешним миром. А еще через 20 минут Горбачеву доложили, что к нему прилетели незваные гости из Москвы. Испуганный и опешивший, Горбачев тем не менее отказался подписывать указ о чрезвычайном положении, отправил гостей восвояси, и те вернулись в Москву ни с чем. Вечером того же дня по зову Крюčkова будущие путчисты собрались в Кремле. Так был образован Государственный комитет по чрезвычайному положению, который своим указом передал себе власть в стране. Началась подготовка к вводу войск в Москву. Тексты для радио и телевидения в спешке готовились уже ночью. В 6 утра 19 августа указы ГКЧП были зачитаны в экстренных выпусках новостей. В Советском Союзе произошел государственный переворот.

1917-й или 1964-й?

Немцов с Раисой прилетели в Москву 18 августа. В столице они были проездом: шестилетнюю Жанну оставили в деревне с бабушкой, а сами на следующий день должны были улететь в Сочи, привычное место отпуска, где Немцов продолжал осваивать свой любимый серфинг. Остановились в гостинице «Россия» прямо под кремлевскими стенами – Немцов, как депутат, останавливался там всегда. Заселившись в номер, они легли спать, выключив перед этим телефон из розетки – чтобы не будили. Проснулись они от стука в дверь: помощница Немцова Татьяна Гришина дозвонилась до дежурного и попросила дойти до номера. Немцов сразу включил телевизор. По всем каналам шел балет «Лебединое озеро».

Утром 19 числа время как будто повернулось вспять: по пустым московским проспектам двигались колонны танков, и вместе с ними в столицу хлынул мрачный, тяжелый, холодный дух советского прошлого. В указах ГКЧП говорилось о переходе президентских полномочий Горбачева – «в связи с невозможностью исполнения по состоянию здоровья» – к вице-президенту Янаеву; о «нависшей над Родиной смертельной опасности»; о главной цели – сохранить СССР; о введении чрезвычайного положения в Москве, запрете митингов и демонстраций; о контроле над СМИ и запрете демократической прессы. Бронетехника на московских улицах, «Лебединое озеро», эти указы, монотонно зачитываемые дикторами в теленовостях – даже без вступлений, сразу после «здравствуйте, товарищи», – от всего этого веяло ужасом возврата к тоталитаризму. Никто не знал, что будет дальше, но за неизвестностью мерещились кровопролитие и аресты. Над городом снова поднялась тень всемогущего КГБ.

Раиса дрожала от страха и почти рыдала, провожая мужа у гостиничного лифта в Белый дом, где заседал Верховный совет России. Она не знала, когда снова его увидит, да и увидит ли вообще. Примерно в то же время из подмосковного Архангельского, где располагались дачи президента России и членов российского правительства, туда же, к Белому дому, выезжал кортеж с Ельциным. Там, в Архангельском, уже ранним утром сам собой – вокруг Ельцина, который накануне поздно ночью прилетел из Казахстана, – сформировался первый штаб сопротивления ГКЧП и было от руки написано обращение к гражданам России. Когда Ельцин садился в машину, чтобы ехать в Белый дом, близких, как вспоминала потом дочь Татьяна, пронзила мысль, что они, возможно, видят его в последний раз. И такие сцены проводов, как на фронт, повторялись одна за другой. «...[Маша] (Мария Стругацкая, жена Егора Гайдара. – М. Ф.) выходит с детьми проводить меня в Москву, – писал про утро 19 августа Егор Гайдар, – машет рукой, на глазах слезы, явно не уверена, что вновь встретимся»⁹⁹.

«Я ничего не думал, кроме того, что страшно, и мысль: увижу еще жену с детьми или не увижу, – вспоминает Сергей Шахрай, который тоже был в этот момент в Архангельском и тоже поехал оттуда в Белый дом. – Жена на ступенях. Женщины все чувствуют сразу, прощаются навсегда. Ну, а потом началась такая суматоха, которая выручает в стрессовых ситуациях...»¹⁰⁰ Самая тяжелая и страшная ночь – с 20 на 21 августа – была еще впереди, но уже 19 числа стало понятно, что что-то идет не так и путчисты ведут себя странно. Во-первых, они не арестовали Ельцина. Как потом выяснится, группа захвата из спецназа «Альфа» еще ночью окружила дачу Ельцина в Архангельском, но приказ о задержании так и не был отдан, и Ельцин со своими соратниками спокойно добрались до Белого дома. (Помимо Ельцина ГКЧП собирался задержать еще 68 известных демократов, но и они остались на свободе. За все дни путча КГБ задержал четырех человек.) Во-вторых, они так и не блокировали и даже не отключили телефоны в Белом доме. В-третьих, командиры вошедших в Москву военных подразделений не понимали толком, что происходит и что они должны делать.

Командующий 106-й дивизией ВДВ генерал-майор Александр Лебедь получил приказ взять под командование батальон и «организовать охрану и оборону здания Верховного совета РСФСР». С батальоном надо было встретиться уже в центре Москвы. Лебедь в одиночестве – и в полном неведении о происходящих в Москве событиях – приехал к Белому дому и поразился: вокруг здания люди строят баррикады. В ход шли троллейбусы, автомобили, арматура, доски. Лебедь ничего не понимал. Если бы это не был, возможно, самый драматичный момент в истории России за последние десятки лет, то из рассказа Лебеда мог бы получиться хороший эпизод для кинокомедии. «В голове у меня роились самые сумбурные мысли, – вспоминал генерал. – Надо сказать, что, руководя маршами полков, находясь в машине связи, где не предусмотрено никаких телевизионных приемников, я никаких заявлений ГКЧП и иных лидеров не слышал. Народ, который строил баррикады, на взгляд был простой, хороший. Если мне надлежало силами батальона организовать охрану и оборону Верховного совета, значит, обороняться будем вместе с этим народом. Тогда возникал законный вопрос: против кого?»

Через какое-то время Лебедь добрался до своего батальона. Тот был на Калининском проспекте¹⁰¹ – совсем рядом с Белым домом. Баррикады росли и крепились. Тот самый «простой и хороший народ» окружил бэтэры, возбужденная толпа кричала и огрызалась на военных, а Лебедь по-прежнему ничего не понимал. Про создание ГКЧП он узнал уже в Белом доме, когда его повели на встречу с Ельциным:

«Ельцин спросил: – С какой задачей вы прибыли? Я доложил: – Силами парашютно-десантного батальона организовать охрану и оборону здания Верховного совета. Пре-

⁹⁹ Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед, с. 81.

¹⁰⁰ Из интервью Сергея Шахрая автору, 9 августа 2016.

¹⁰¹ Нынешний Новый Арбат.

зидент уточнил: – По чьему приказу? Я ответил коротко: – По приказу командующего ВДВ генерал-лейтенанта Грачева. – От кого охранять и оборонять? Поскольку мне самому этот вопрос был неясен, я объяснил уклончиво: – От кого охраняет пост часовой? От любого лица или группы лиц, посягнувшего или посягнувших на целостность поста и личность часового»¹⁰².

На самом деле к этому моменту Ельцин уже перехватил инициативу, а ГКЧП потерпел, может быть, свое главное – моральное – поражение. Беспрепятственно добравшись до Белого дома, Ельцин еще утром превратил его в штаб сопротивления, а в полдень зачитал с брони стоящего перед Белым домом танка обращение к гражданам России – то самое, что было написано от руки еще в Архангельском. Эта сцена и эти слова стали его звездным часом и навсегда вошли в историю: «В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный президент страны, – говорил Ельцин. – Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым реакционным антиконституционным переворотом». Речь Ельцина сначала слышали сотни собравшихся вокруг людей. Затем ее стали печатать, размножать на ксероксах и развешивать по Москве. Возведение баррикад продолжилось с удвоенной силой. Впервые советская власть натолкнулась на сопротивление народа в самом центре столицы, и впервые у народа был лидер. «Пожалуй, никогда знаменитая воля Ельцина не помогала ему так, как в эти часы, – писали про этот момент будущие помощники российского президента в своей книге „Эпоха Ельцина“. – Его активность и решительность оказали деморализующее воздействие не только на ГКЧП, но и на рядовых исполнителей»¹⁰³.

Однако про выступление Ельцина поначалу что-то слышали лишь в центре Москвы – остальной России по-прежнему по телевизору показывали «Лебединое озеро» и зачитывали пресс-релизы ГКЧП. Поэтому второй важнейшей символической победой над заговорщиками стал простой вопрос, который уже ближе к вечеру задала членам ГКЧП на пресс-конференции – на этот раз на всю страну, потому что пресс-конференцию транслировало телевидение, – 24-летняя журналистка «Независимой газеты» Татьяна Малкина: «Понимаете ли вы, что сегодня ночью вы совершили государственный переворот, и какое из сравнений вам кажется более корректным – с 1917-м или с 1964 годом (в 1964 году в результате заговора в Политбюро был отстранен от власти глава государства Никита Хрущев. – М. Ф.)?»

Как и на большинство остальных, на этот вопрос пришлось отвечать хедлайнеру пресс-конференции Геннадию Янаеву. Причем сам Янаев о путче и о своей роли в нем узнал только накануне вечером, когда Крючков позвонил ему и вызвал в Кремль. Вице-президент СССР, формально второе лицо в государственной иерархии, не рискнул ослушаться председателя КГБ. Указ о возложении на него президентских полномочий «в связи с болезнью Горбачева» готовился без него, да и подписывать его он не хотел: еще бы, несколькими часами ранее он лично звонил Горбачеву, чтобы на следующий день встретить его в аэропорту, и прекрасно знал, что президент совершенно здоров. Но заговорщики надавили на Янаева – он с ними в одной лодке, – и Янаев сдался. Теперь, на следующий день, он невнятно, почти бормоча, отвечал журналистке Малкиной, но его слова не имели значения. Важен был сам вопрос, немислимый в том мире, к которому принадлежали ГКЧП и КГБ, и мгновенно снявший с власти, как в сказке про голого короля, весь ее победный лоск. А слегка дрожащие руки Янаева, которые тоже увидела вся страна, органично дополнили эту картину.

¹⁰² Лебедь А. И. За державу обидно (М.: Московская правда, 1995).

¹⁰³ Батурин Ю. М., Ильин А. Л., Кадацкий В. Ф. и др. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории (М.: Вагриус, 2001), с. 147.

Дорога в будущее

Немцов провел в здании Верховного совета все три дня. Раиса каждый день ездила к Белому дому, а иногда ему удавалось позвонить оттуда в гостиницу. В самом Белом доме быстро наладилась своя жизнь. Каждый был чем-то занят. Депутаты звонили в свои регионы, пытаясь узнать, что происходит, передать новости из Москвы и поднять людей против ГКЧП. Этим занимался и Немцов. В стране была введена цензура, демократическая пресса была закрыта, и в Белом доме даже появилась своя радиостанция, которая вещала внутри здания и для людей на площади, а у микрофона сидели самые известные журналисты того времени – Бэлла Куркова и Александр Любимов. «Нам очень нужны были новости из регионов, – вспоминает Любимов. – Мы имитировали, что нас поддерживает вся страна. И Немцов приходил и рассказывал, что происходит в Нижнем Новгороде»¹⁰⁴.

Страна действительно замерла в ожидании, кто выйдет победителем из противостояния в Москве. В крупных городах люди вышли на улицы, но кроме Москвы события развивались бурно только в Петербурге, где новый мэр и один из ведущих демократических политиков страны Анатолий Собчак призвал сопротивляться ГКЧП. А основной сценой борьбы с путчем стал небольшой пятачок в Москве – площадь у Белого дома и несколько кварталов вокруг.

Ночь с 19 на 20 августа прошла спокойно. «Демократическая Россия» решила звать всех на митинг к Белому дому. Ельцин сначала был против: опасался задержаний, кровопролития, но потом дал добро. Одновременно мэр Москвы Гавриил Попов хотел провести демократический митинг у здания Моссовета. «Мы стали звать людей и к Белому дому, и к Моссовету, – вспоминает правозащитник Лев Пономарев¹⁰⁵, тогда один из лидеров „Демократической России“. – И решили, что я пойду к Моссовету и приведу оттуда людей к Белому дому. Так и сделали. Мало того что ГКЧП бездействовал – нас сопровождала милиция с мигалками!»¹⁰⁶ Это был, возможно, самый важный митинг в российской истории. Если 19 августа у Белого дома собрались максимум несколько тысяч человек, то на следующий день это были уже 150–200 тысяч! «Больше всего меня тогда потрясла толпа, – вспоминает Сергей Шахрай, – потрясло, как люди собрались и закрыли собой Белый дом. Это все расставило по местам: значит, мы делаем верное дело. Это был не просто митинг для митинга. Это был митинг, внутри которого стояло здание Верховного совета. Он окружил живым щитом символ демократии – Белый дом. При том, что все понимали: Белый дом защитить нельзя; никакое живое кольцо не поможет при силовой операции»¹⁰⁷.

Это был даже не митинг, а безоружное народное ополчение: люди подходили и подходили, вставали в ряды. Кто-то привозил им бутерброды, кто-то чай, кто-то бумагу для ксерокса, чтобы печатать воззвания и листовки. Пришедшие к Белому дому люди были готовы ко всему. Некоторые депутаты, в свою очередь, вышли на улицу и пошли разговаривать с военными. Немцов с Аксюцием пошли на Манежную площадь. Там, за кордоном, стояла дивизия спецназа, танки и бэтэры. «Показав удостоверения, мы прошли через кордоны, ходили от танка к танку и вели душевные разговоры с этим пацанами, – вспоминает Аксюциц, – мы им говорили: ведь вы будете стрелять в своих братьев, сестер, отцов»¹⁰⁸.

А в это время в кабинете заместителя министра обороны СССР Владислава Ачалова шло совещание: когда и как штурмовать Белый дом. Крючков хотел назначить штурм на 4 часа утра.

¹⁰⁴ Из интервью Александра Любимова автору, 12 октября 2019.

¹⁰⁵ Лев Пономарев признан в РФ иностранным агентом.

¹⁰⁶ Из интервью Льва Пономарева автору, 1 октября 2019.

¹⁰⁷ Из интервью Сергея Шахрая автору, 28 июня 2019.

¹⁰⁸ Из интервью Виктора Аксюцица автору, 25 сентября 2017.

На это совещание вызвали и генерала Лебеда. Лебедь доложил, что у Белого дома стоят 100 тысяч человек и любая силовая операция закончится массовым кровопролитием. При этом по требованию Ачалова он даже нарисовал карандашом что-то похожее на план атаки. С точки зрения военной науки план был откровенной халтурой, но главное, он сам собой как будто растворился в воздухе: военные смотрели на этот план, кивали – и ничего не происходило. Никто не хотел брать на себя ответственность. «ГКЧП стал заложником разобщенности, нерешительности и принципа коллективной ответственности», – пишет Игнац Лозо¹⁰⁹.

В самом начале путча Крючков по малодушию совершил ошибку: он рассчитывал договориться с Ельциным и не отдал приказа о его аресте. А на второй день было уже поздно: ГКЧП потерял инициативу. Весь мир ловил каждое слово Ельцина. Даже введенная заговорщиками цензура давала сбои: например, в программе «Время», главных вечерних новостей Первого канала, вышел длинный сюжет про оборону Белого дома. Огромный митинг перед Белым домом парализовал волю военных. Крючков перекладывал решения на них, но они бездействовали. «Все перекидывалось на военных, передавалось в их руки, причем устно, без четких указаний и направления официальных документов, – вспоминал потом Ачалов. – Получилось так, что каждый был сам за себя»¹¹⁰.

Вечером 20 августа на последнем совещании ГКЧП Крючков и министр внутренних дел Борис Пуго снова предложили разогнать людей, собравшихся перед Белым домом, и перевести Ельцина под домашний арест, но эта идея тоже повисла в воздухе. Никаких решений заговорщики опять не приняли. В итоге дело ограничилось введением в Москве комендантского часа. Министр обороны Язов с самого начала был против применения силы. Он распорядился ввести ночное патрулирование города, причем военные получили приказ не стрелять и не реагировать на провокации. Проблема была в том, что в демократическом лагере про этот приказ никто ничего не знал. Наоборот, слухи, что будет штурм, весь вечер просачивались в Белый дом, и все готовились к штурму.

Обстановка в Белом доме и вокруг него становилась все более тревожной. На улице жгли костры и по-прежнему строили баррикады. Внутри Ельцин обзванивал лидеров государств. «Эти три дня он вел себя как настоящий русский мужик. Крепкий и отважный, – вспоминал потом Немцов. – Наверное, так вели себя командиры, когда отбивали атаки во время войны». (Интересно, что Немцов уже в эти дни обратил внимание на одну из главных ельцинских черт – перепады настроения: «Он отдавал какие-то команды, порой непродуманные, что кому делать, потом впадал в какую-то меланхолию, потом опять приходил в себя и начинал руководить обороной»¹¹¹.) Председатель Верховного совета Руслан Хасбулатов предупредил депутатов о возможном штурме и даже предложил раздать оружие. «У нас хорошо организованная оборона, – докладывал депутатам глава обороны Белого дома генерал Кобец, – 16 баррикад, из них 12 – на внешнем отводе, на расстоянии 1400–1200 метров от Белого дома. 300 вооруженных профессионалов, кроме того, афганцы и 1500 ополченцев, в основном студенты.»¹¹² Потом, после путча, журналист «Огонька» так описывал эту ночь: «Среди депутатов возникла тема валидола; кто-то вспомнил, что с утра ничего не ел, а сейчас – глубокая ночь; его утешили, объяснив, что пулю в живот лучше получить голодным. Рассматривались варианты: нас арестовывают, помещают в казармы, где мы продолжаем нашу работу... Нам дают пинка под зад, и мы вылетаем на улицу... „Ровно двадцать три года назад, – сказал депутат Шейнис, – танки вошли в Прагу“. Борис Немцов выкликнул желающих ехать в войска.»¹¹³ Но штурм не было. Причиной траги-

¹⁰⁹ Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было.

¹¹⁰ Там же, с. 223.

¹¹¹ Немцов Б. Е. Провинциал.

¹¹² Интерфакс, 20 августа 1991.

¹¹³ Нежный А. «Над бездной», Огонек № 37 (сентябрь 1991).

ческой гибели трех человек той ночью в туннеле под Калининским проспектом на Садовом кольце стали охватившая город паника и ожидание штурма. Взвод БМП въехал в туннель и уперся в баррикаду из троллейбусов и арматуры. Он даже не двигался в направлении Белого дома, но разгоряченная толпа этого не понимала. Как москвичи могли отличить в тот момент патрулирование от штурма? Толпа стала забрасывать бронетехнику камнями и бутылками с зажигательной смесью. Некоторые полезли на борт передовой машины и закрыли смотровое окно брезентом. Среди них был и 23-летний Дмитрий Комарь – он упал с борта, и его задавило гусеницами, когда машина стала резко двигаться взад-вперед, пытаясь освободиться от нападавших. Одновременно перепуганные механики стали стрелять в воздух, пытаясь отогнать толпу, но одна из этих предупредительных пуль рикошетом попала в 43-летнего Владимира Усова, и он погиб. 28-летнему Илье Кричевскому пуля попала в голову, но, как это произошло, так и осталось неизвестным. Через три дня похоронная процессия растянется на весь центр города, Горбачев присвоит Комарю, Усову и Кричевскому звания Героев Советского Союза – так они посмертно станут последними героями СССР, – а год спустя уже Ельцин наградит их медалями «Защитнику свободной России».

Комарь, Усов и Кричевский погибли между полуночью и часом ночи. Потрясенный этим известием Язов тут же отдал приказ прекратить патрулирование, а с рассветом – вывести войска из города, и таким образом подписал ГКЧП приговор. Ночью Крючков еще размышлял о штурме, но поезд уже ушел. Он еще надеялся на лучшее, когда утром подчиненные Язова согласовывали с мэрией Москвы детали вывода войск. «Умели напасть – надо уметь и отвечать», – сказал Язов заговорщикам, когда те приехали к нему, чтобы уговорить маршала «идти до конца»¹¹⁴.

Двадцать второго августа Россия праздновала победу: заговорщики арестованы, Горбачев вернулся в Москву еще ночью, а в полдень над Белым домом взвился бело-сине-красный триколор – возрожденный российский флаг. Под стенами Белого дома собрались торжествующие москвичи. В желтых штанах и серой куртке, Немцов стоял на балконе Белого дома недалеко от Ельцина, смотрел на это море людей и ликовал вместе со всеми – эта была общая, огромная, волшебная победа. Это были величественные и духоподъемные дни и недели, когда казалось, что все возможно. Силы зла, давным-давно накрывшие Россию мглой, вышли на свой последний бой и проиграли. Они просто испарились, растворились в воздухе. Обветшавшая, проржавевшая коммунистическая диктатура вдруг рассыпалась в пыль, мгла рассеялась, и в свете дня проступила дорога к демократии и свободе. Дорога в будущее.

¹¹⁴ Цитируется по: Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было, с. 248.

Глава 4

Новая страна. 1991

Пономарев и Якунин едут к Ельцину

К концу сентября Лев Пономарев и его соратники по «Демократической России» уже сильно негодовали. Диктатура рухнула, но дел невпроворот, и надо ковать победу, пока горячо: судить ГКЧП, запрещать КПСС, формировать власть, готовиться к новым выборам, наконец, а Ельцина нет – он уехал в свою резиденцию в Сочи и пропал там. «Демократическая Россия» была самой мощной политической силой того времени. Она организовывала самые крупные в истории страны митинги в 1990 году. Без ее поддержки Ельцин не одержал бы свою главную победу и не стал бы председателем Верховного совета РСФСР. И вот теперь Лев Пономарев и его соратник священник Глеб Якунин собирались лететь к Ельцину в Сочи – с ультиматумом: если он в течение недели не вернется в Москву, то «Демократическая Россия» перейдет к нему в оппозицию.

У Пономарева и Якунина была еще одна миссия: от имени «Демократической России» рекомендовать Ельцину кандидатуру будущего премьера. Еще недавно мнение Пономарева, доктора физических наук, и Якунина, в прошлом диссидента и борца за права верующих, отсидевшего пять лет в лагерях при советской власти, не весило ничего. Теперь от них в большой степени зависело, кто войдет в будущее правительство, и кандидаты в премьер-министры искали у них поддержки. Пономарев помнит, как ему позвонил вице-президент Александр Руцкой и позвал к себе в кабинет. «Ты не думай, – сказал Руцкой, переменяя матом, как положено военным, едва ли не каждое свое слово и рисуя мелом на доске стрелки и линии, – в военной академии меня не только самолетами учили управлять. Было бы хорошо, если бы „ДемРоссия“ рекомендовала меня на пост председателя правительства»¹¹⁵.

Пришел к Пономареву и Егор Гайдар вместе со своим ближайшим сподвижником Анатолием Чубайсом. 35-летний внук самого знаменитого пионерского писателя 30-х годов, прославившегося на весь Советский Союз «Тимуром и его командой», экономист Гайдар в течение нескольких последних лет изучал переходные экономики и реформы в странах соцлагеря. У него уже был опыт подготовки аналитических записок и для Политбюро ЦК КПСС (когда с приходом Горбачева в 1985 году начались новые веяния), и для советского правительства в конце 80-х, когда он работал в журнале «Коммунист». Еще на любительских, по сути, семинарах молодых экономистов в одном из пансионатов под Ленинградом в 1986 году вокруг Гайдара сложилась команда экономистов-рыночников. Убежденный либерал, «правый без дураков», как про него говорили его соратники, в 1990 году Гайдар возглавил им же созданный экономический институт, и хотя звезда Явлинского в тот момент блистала ярче, Гайдар уже конкурировал с ним за неформальное звание главного в стране экономиста новой формации. По воспоминаниям Петра Авена, ветерана гайдаровского экономического кружка, а потом министра в его правительстве, весной 1991 года они всерьез смотрели на себя как на будущий кабинет министров – кто-то же должен спасти агонизирующую экономику распадающейся державы. «По всей Восточной Европе в правительство приходили молодые экономисты, а мы самонадеянно считали, что другой команды в России, в принципе, нет», – вспоминал Авен¹¹⁶. За несколько дней до путча Гайдар получил предложение стать советником президента по экономике. С Геннадием Бурбулисом, правой рукой Ельцина, Гайдар познакомился 19 августа прямо

¹¹⁵ Из интервью Льва Пономарева автору, 1 октября 2019.

¹¹⁶ Петр Авен: «Во главе ФСБ Чубайс принес бы не меньше пользы, чем на приватизации», Forbes (2 марта 2010).

в Белом доме. А с середины сентября Гайдар и его единомышленники уже писали по заданию Бурбулиса программу экономических реформ, поселившись на одной из правительственных дач в том самом Архангельском под Москвой. «Что хорошо было: в гайдаровских бумагах идея тут же сопровождалась шагами, инструментами. Закон – указ, указ – закон, постановление. И понятно было, что предлагается и как это сделать», – вспоминал потом Бурбулис¹¹⁷.

Поэтому, когда Гайдар с Чубайсом, узнав, что Пономарев проводит консультации с потенциальными кандидатами, пришли к нему за поддержкой, им уже было что показать, и они убеждали его, что готовы взять ответственность за правительство. Особое впечатление на Пономарева произвело то обстоятельство, что Гайдар был не сам по себе, а с командой. «Мы обсудили этот вопрос на совете „Демократической России“, – вспоминает Пономарев, – и решили, что будем рекомендовать Ельцину команду Гайдара: они профессионалы, знающие современную европейскую экономику»¹¹⁸.

У ворот президентской резиденции в Бочаровом Ручье в Сочи Пономарева и Якунина встретил начальник охраны Ельцина Александр Коржаков. Ельцин в компании Бурбулиса принял их утром следующего дня. «Формально вы можете стоять во главе правительства, или Геннадий, который сидит рядом, но реально пусть от вашего имени руководит Гайдар», – говорил Ельцину Пономарев, и Ельцин внимательно его слушал¹¹⁹. Так же внимательно он выслушал и поставленный ему «Демократической Россией» ультиматум. Через неделю он вернулся в Москву.

Молодость или опыт?

Конечно, дело было не только в позиции, которую занял демократический актив: Ельцин и сам понимал, что в экономике надо действовать резко и решительно, – но вклад Пономарева и Якунина в назначение Гайдара был очень весом. С Гайдаром Ельцин встретился в конце октября. Фиаско программы «500 дней», похороненной пожилыми советскими партократами, еще не было забыто. Но Советского Союза больше не было: хотя его распад еще предстоит оформить в декабре Беловежскими соглашениями, фактически Союз прекратил свое существование на следующий день после провала путча. Центральная власть исчезла, теперь Россия могла и должна была идти вперед сама, ответственность за это ложилась на Ельцина, и он понимал, что компромиссы с социалистическим порядком больше невозможны – надо прыгать в капитализм. Он поверил в свободный рынок. Академики и управленцы из Госплана не смогли бы осуществить такой прыжок. «Надо было чем-то жертвовать – или молодостью, или опытом» – так Ельцин будет объяснять депутатам свой выбор в пользу Гайдара¹²⁰. Он жертвовал опытом. Он ставил на свежие головы – не испорченные аппаратным мышлением прежних лет. Это был продуманный – в случае с Ельциным скорее прочувствованный, – но в любом случае осознанный выбор. Он вряд ли будет лукавить, когда, анонсируя программу реформ, скажет с трибуны депутатам съезда, что это самое важное решение в его жизни. «Научная концепция Гайдара совпадала с моей внутренней решимостью пройти болезненный участок пути быстро, – напишет Ельцин в мемуарах. – Я не мог снова заставлять людей ждать, оттягивать главные события, главные процессы на годы. Раз решились – надо идти!»¹²¹

Историческая речь Ельцина с трибуны 5-го съезда народных депутатов, положившая начало экономической реформе, прозвучала 28 октября. В ней он говорил об «уникальной

¹¹⁷ Авен П. О., Кох А. Р. Революция Гайдара, с. 54.

¹¹⁸ Из интервью Льва Пономарева автору, 1 октября 2019.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Из выступления Ельцина в Верховном совете, декабрь 1991.

¹²¹ Ельцин Б. Н. Записки президента, с. 156.

возможности за несколько месяцев стабилизировать экономическое положение и начать процесс оздоровления», о том, что цены будут освобождены уже в текущем году – то есть буквально завтра, – о бездефицитном бюджете, приватизации и других реформах и о том, что сначала будет трудно, но к следующей осени, через год, положение выправится и станет легче. (Через много лет Гайдар пояснит: конечно, он не убеждал Ельцина во время их октябрьской встречи, что через год начнется экономический рост, это было невозможно, судя по опыту все той же Польши; он говорил лишь, что за год будет решена проблема товарного дефицита¹²².) Шоковая терапия – так пресса сразу назовет гайдаровские реформы. Реформаторы всегда возражали против этого термина: шоковой терапией Гайдара можно было считать лишь в том смысле, в каком шок для умирающего человеческого организма становится единственной в этот момент спасительная манипуляция – электрический разряд из дефибриллятора.

Это был еще один величественный момент в российской истории – величественный, как любое масштабное преобразование. Именно в эти дни Россия, можно сказать, поменяла статус – одна из республик Советского Союза превращалась в самостоятельную отдельную страну на карте, причем такую, которая видит себя демократическим рыночным государством и частью цивилизованного мирового сообщества. (В конце декабря после официальной смерти СССР официально сменится и название России: вместо РСФСР появится Российская Федерация.) И именно это Ельцин ставил своей целью. «...Он хотел создать российское государство – самостоятельное, управляемое, способное к модернизации и нормализации, – пишет автор одной из биографий Ельцина Тимоти Колтон. – Иными словами, вместо того чтобы спасти старую империю, он предпочел построить новую страну»¹²³.

На том же съезде Ельцин объявил, что сам возглавит новое правительство, и тем самым взял на себя ответственность за реформы – и съезд с готовностью утвердил его в этом качестве. Гайдар стал вице-премьером. Ему и его соратникам был передан в ведение весь экономический блок. Виктор Хлыстун вспоминает, как 14 ноября, когда основные назначения в кабинете министров уже были сделаны, ему позвонил Бурбулис:

- Завтра в 9.30 утра тебя ждет президент.
- На какой предмет? К чему мне готовиться?
- На предмет назначения тебя министром сельского хозяйства.
- Геннадий, – принялся возражать Хлыстун, – я же не агроном, я занимаюсь земельными отношениями. Я не готов быть министром.
- Вот и скажешь это все президенту, – ответил Бурбулис.

Хлыстун не спал всю ночь – подбирал аргументы, как объяснить президенту свой отказ. И с этими аргументами в голове в 9.40 утра 15 ноября он вошел в кабинет Ельцина в Кремле. «Виктор Николаевич, нужно поработать в новом качестве», – доброжелательно сказал Ельцин, выходя из-за стола и протягивая для рукопожатия руку. Хлыстун начал было отвечать, что он не готов занять эту должность, но не успел даже договорить фразу. Президент его прервал: «А я что – готов был быть президентом? Будем работать и учиться. Вопрос не обсуждается. Держите, читайте. – Ельцин протянул Хлыстуну уже подписанный указ и посмотрел на часы. – Через 15 минут начинается заседание нового состава правительства. Не опаздывайте».

Ельцин развернулся и вышел из кабинета через заднюю дверь. Успеть дойти за 15 минут до зала совещаний на Старой площади, где президент собирал правительство на первое – историческое – заседание, Хлыстун не мог в любом случае. Когда он вошел в зал, Ельцин уже выступал. «Почему опаздываете? – грозно спросил президент и после своей фирменной паузы добавил: – Тут некоторые считают, что они не готовы работать в правительстве. Имейте в виду:

¹²² Минаев Б. Д. Ельцин, с. 326.

¹²³ Колтон Т. Ельцин (М.: Колибри, 2013).

это я буду решать, кто готов, а кто не готов»¹²⁴. Отчитав Хлыстуна, Ельцин продолжал, обращаясь к новому правительству: «На нас с вами лежит большая ответственность. Каждый из нас понимает, что мы идем в рисковую зону, и идем с риском для своей политической карьеры и авторитета. Но я лично на это пошел открыто, прямо и не сомневаясь, потому что у России огромные возможности и я верю в Россию. И эту веру мы должны как-то передать людям. И на этой вере мы выиграем несколько месяцев, может быть, самые важные месяцы, которые нам понадобятся.»¹²⁵

Демократия или сильная власть?

Начатая Горбачевым революция завершалась в реактивном режиме. Страна потерпела экономическую катастрофу. Что реформы будут очень болезненными, сомнений ни у кого не было. Гайдар прямо говорил Ельцину, что тому вскоре придется его уволить. С той поры историки и участники событий размышляют: могла ли Россия легче преодолеть грандиозный исторический поворот, а российская демократия – стать более устойчивой?

Одна из известных претензий к Ельцину – та самая, которую от лица «Демократической России» предъявил ему в Сочи Лев Пономарев, – заключается в том, что после провала путча он почти на месяц уехал в Сочи, вместо того чтобы быстро, на волне победы, когда позиции демократов казались незыблемыми, принять новую конституцию, распустить съезд и провести новые выборы. Виктор Шейнис потом предложит аналогию с Наполеоном, который после победы под Аустерлицем отправился бы отдыхать на Лазурный Берег¹²⁶. И чем дальше, тем обоснованнее будет казаться эта критика: сделай он это – и Россия избежала бы страшных, роковых событий октября 1993 года, когда в стране начнется гражданская война, когда уже сам Ельцин отдаст приказ стрелять из танков по зданию Верховного совета на Краснопресненской набережной и когда этот приказ – в отличие от августа 1991-го – будет исполнен. С годами станет понятно, что это действительно свойство Ельцина – медлить и затаиваться в драматические минуты и резко рубить узлы противоречий лишь тогда, когда уже нет другого выхода. И не раз эта черта его характера сыграет значительную роль в российской истории.

Что Ельцин делал в Сочи? Как писали в газетах, играл в теннис. Возможно, пил. События августа стали для него чудовищным стрессом, а теперь ему на голову вместе с властью – на этот раз настоящей – свалились тяжелейшие проблемы. Что делать с Союзом? Что делать с Россией? Как проводить реформы? Ельцин признает потом, что, отложив до лучших времен вопросы политического переустройства России, он упустил очень важный шанс. «Наверное, я ошибся, – напишет он, – выбрав главным направлением наступление на экономическом фронте, оставив для вечных компромиссов, для политических игр поле государственного устройства»¹²⁷.

К съезду, на котором Ельцин объявил о реформах, проект новой конституции был практически готов. Но ни Ельцин, ни только вошедший во вкус своей новой должности председатель Верховного совета – и в тот момент еще союзник президента – Руслан Хасбулатов обсуждать его тогда не хотели. И новую конституцию положили под сукно. Но это было еще не все. Объявив экономическую реформу главным приоритетом, подчиняющим себе всю остальную жизнедеятельность государства, Ельцин потребовал ввести мораторий сроком на один год на проведение любых выборов в стране. «Проводить мощные избирательные кампании и одновременно глубокие экономические преобразования невозможно! – говорил Ельцин с трибуны. –

¹²⁴ Из интервью Виктора Хлыстуна автору, 5 июня 2019.

¹²⁵ Стенограмма заседания правительства РСФСР 15 ноября 1991.

¹²⁶ Шейнис В. Л. Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике, т. 1 (М.: Изд-во Р. Элинина, 2005), с. 530.

¹²⁷ Ельцин Б. Н. Записки президента.

Пойти на это – значит погубить все!»¹²⁸ При этом сам президент получал чрезвычайные полномочия – тоже временно: он мог назначать и снимать членов правительства и будущих губернаторов, а в сфере экономики его указы приравнивались к законам (если их не опротестовывал Верховный совет).

Ельцина и его команду можно было понять: кто решился бы отпускать цены – а медлить с этим было уже невозможно – и одновременно проводить десятки выборных кампаний на местах? Да и разумно ли так поступать? Закономерным образом в прессе началась дискуссия: к чему приведет усиление власти Ельцина? Не опасно ли это? «Совместимы или несовместимы демократия и сильная власть, но не где-нибудь, не вообще, а конкретно сейчас, здесь, в России, в сегодняшней экономической, политической, психологической обстановке? – писал в ноябре 1991 года в газете „Московские новости“, которая была тогда главным рупором либеральной интеллигенции, публицист Александр Гельман. – Я отвечаю на этот вопрос так. Слабая власть нашу демократию, точнее, нашу возможную демократию погубит безусловно, наверняка, вне всякого сомнения. Сильная власть хотя и может вывернуться наизнанку и тоже привести к диктатуре, тем не менее она не лишает надежды, что, пройдя через период умеренного авторитаризма, выведет общество на твердую демократическую почву»¹²⁹.

Конечно, рассуждая об этом переходном периоде «умеренного авторитаризма», Гельман имел в виду не десятки лет, а те год-два, на которые Ельцин просил себе у съезда особые полномочия. В те времена шарнир истории крутился так быстро, что загадывать надолго вперед никому бы просто в голову не пришло. Подлинная демократия должна была наступить на следующей остановке. Казалось естественным, что она образуется сама, если хотеть этого и если у руля будет стоять лидер, облеченный народным доверием. «Кто-то скажет: да ведь такие же слова говорили и гэкачеписты, они тоже твердили о сильной власти во имя демократии, – продолжал свою мысль Александр Гельман. – В чем тогда разница? Разница в том, что их люди слушали, но не верили ни одному слову, а Ельцину люди доверяют»¹³⁰.

Это была правда: как показывали опросы, люди Ельцину по-прежнему доверяли, и осенью 1991 года его рейтинг – уже как победителя ГКЧП – превышал 50 %¹³¹. С ним все так же связывали чаяния и надежды. Во время путча появились и новые герои – такие как демократический мэр Ленинграда Анатолий Собчак и вице-президент Александр Руцкой, – но признанный лидер у России по-прежнему был один: Ельцин. «Народ не собирался сам работать. Должен кто-то прийти и устроить ему другую жизнь вместо той, которая его перестала устраивать» – так описывал отношение общества к Ельцину летом-осенью 1991 года один из лидеров демократического движения того времени Гавриил Попов¹³². В глазах людей Ельцин с самого начала был не лидером широкого демократического движения, а бунтарем, который бросил вызов КПСС, и к осени 1991 года в этом смысле изменилось только то, что бунтарь одержал победу.

На протяжении всех бурных лет конца 80-х – начала 90-х российское общество не артикулировало четко свои политические пристрастия. Движения в поддержку демократии были сильны в Москве и в больших городах, но и там были внутренне противоречивы и плохо структурированы. Что такое свобода? Что такое демократия? Что такое рынок? Большинство отвечало на эти вопросы просто: все наладится, после того как исчезнет КПСС. Это она мешает хорошо и свободно жить. Еще до путча, летом 1991 года, как отмечали социологи из ВЦИОМа, надежды на возрождение России в глазах 69 % россиян были связаны с тем, что «за 74 года

¹²⁸ Выступление Ельцина на Пятом съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991.

¹²⁹ Московские новости (17.11.1991).

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Попов Н. «Лихие 90-е. Каким было общественное мнение в эпоху Ельцина», Капитал страны (28 ноября 2015).

¹³² Интервью Гавриила Попова Никосу Сидиропулосу, 8 декабря 2004, <https://www.azovgreek.com/gendb/rus/gpopov2.htm>.

нахождения у власти компартия окончательно себя дискредитировала»¹³³. Как говорил через двадцать с лишним лет Немцов на одном из протестных митингов, «мы тогда были романтиками, мы думали, что стоит только победить ГКЧП и наступит счастье, успех, достаток, благоденствие, Россия станет самой свободной, самой счастливой страной.»¹³⁴ И вот ГКЧП и КПСС исчезли. Ведущая политическая сила страны, «Демократическая Россия», благодаря которой Ельцин пришел к власти, стала распадаться на фракции и клубы по интересам сразу же после путча. Чем дальше, тем меньше Ельцин был готов с ней считаться. От единодушия, с которым депутаты съезда голосовали за суверенитет России, не осталось и следа, когда зашла речь о реформах. Понятно, почему так произошло. Если суверенитет был выражением очевидного интереса – новая российская элита хотела подвинуть прежнюю, советскую, – то реформы не пользовались устойчивой поддержкой в обществе. Архитекторам реформ и избиратели, и их избранные представители заранее отказывали в доверии. Об этом свидетельствовали цифры соцопросов: в декабре 1991-го только 28 % российских граждан верили, что правительство сможет провести реформы, а 46 % – не верили. (В соседней Украине, к примеру, соотношение было прямо противоположным: 41 % энтузиастов против 25 % скептиков.)

Мальчики в розовых штанах

Меж тем к концу 1991 года ситуация в экономике была абсолютно катастрофической. Советский Союз обанкротился. Золотого запаса не было. Хлеба не было. По состоянию на 15 ноября запаса муки в закромах оставалось на двое суток – при нормативе 15 дней. Отсутствие кормов привело к мору на птицефабриках и сокращению поголовья скота. «Мясопродуктами торгуют только по талонам, на декабрь не хватает ресурсов. Молоком торгуют в течение i часа. Масло животное реализуется по талонам – 200 г на человека в месяц. Не хватает ресурсов. Растительное масло в продаже отсутствует...» – так, согласно правительственной справке, в середине ноября обстояли дела в той же Нижегородской области, куда вот-вот будет назначен губернатором Немцов¹³⁵. Голода не было, но была угроза голода: министр сельского хозяйства Хлыстун еженедельно докладывал о положении с продовольствием в стране на специальной комиссии во главе с президентом. Еще в сентябре, будучи представителем президента в своей области, Немцов вызвал к себе руководителей автопарков и потребовал обеспечить автобусы: на полях осталась неубранная часть урожая, и народ с сумками и мешками поехал на выходных собирать картошку, капусту, морковь и свеклу. Став губернатором, Немцов едва ли не первым делом попросил дислоцированных в его области военных развернуть в городе военно-полевые кухни, чтобы кормить голодных. Второй его проблемой в конце декабря стали водочные и сигаретные бунты: люди перекрывали улицы, не имея возможности отоварить талоны на водку и купить сигареты. Вот как Немцов потом описывал положение дел в декабре 1991 года у себя в области. И в целом по стране оно было примерно таким же: «Картина была катастрофическая: моя жена в 4 часа утра занимала очередь за молоком, чтобы дочке, Жанне, принести его на завтрак. И 17 видов талонов, и мужики, требующие завезти сигареты и переворачивающие автобусы. Я работал диспетчером, а не губернатором: туда сигареты, сюда молоко, сюда хлеб – это то, что было. И кроме того, была холодная зима, область замерзала»¹³⁶.

У нового правительства отсутствовало даже минимальное пространство для маневра. Егор Гайдар признавался: «Открывшаяся в деталях картина подтверждала печальную истину: ресурсов, позволяющих сгладить социальные издержки запуска нового механизма хозяйство-

¹³³ Опрос ВЦИОМ, июль 1991.

¹³⁴ Выступление Бориса Немцова на митинге 19 августа 2012.

¹³⁵ Цитируется по: Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед, с. 132.

¹³⁶ Борис Немцов, «Эхо Москвы» (23 декабря 2009).

вания, не было. Откладывать либерализацию экономики до тех пор, пока удастся продвинуть медленные структурные реформы, невозможно. Еще два-три месяца пассивности, и мы получим экономическую и политическую катастрофу, распад страны и гражданскую войну. Это мое твердое убеждение»¹³⁷.

Однако никакой другой опоры, кроме президента, у реформаторов не было. Новая российская элита не чувствовала запроса на экономическую либерализацию. Съезд потому с готовностью и предоставил Ельцину чрезвычайные полномочия в проведении реформ, что хотел снять с себя ответственность за них. А в конце ноября Верховный совет во главе с Русланом Хасбулатовым уже заворачивал президентские инициативы. «Очевидно, что положение, складывающееся в России через три месяца после провала путча, не предвещает радужных перспектив демократическим силам, – писала тогда газета „Московские новости“. – За это время им так и не удалось создать стабильную социально-политическую опору своей власти, а тот кредит доверия, которым располагал Белый дом (то есть президент и правительство. – М. Ф.) еще недавно, сегодня, накануне проведения реформ, катастрофически тает. Общество же, уставшее от перманентной неопределенности и неустойчивости, инстинктивно тянется к твердой руке»¹³⁸.

Предвестником надвигающегося тяжелого кризиса в отношениях между ветвями власти – кризиса, который через два года закончится вооруженным противостоянием на улицах Москвы, – стал демарш вице-президента Александра Руцкого. Генерал Руцкой не получил не только премьерский пост, как хотел, но и вообще сколько-нибудь значимых полномочий (вице-президентский статус никакой реальной власти не давал). 30 ноября он вдруг выступил против предстоящей либерализации цен и набросился на команду Гайдара, которая еще даже не приступила к работе. «Это мальчишки в розовых штанах, красных рубашках и желтых ботинках», – негодовал генерал Руцкой, пообещав подать в отставку, если к нему не прислушается Борис Ельцин¹³⁹. Россия только делала первые шаги вперед, а согласие по принципиальным вопросам прокладывания маршрута уже испарилось в холодном осеннем воздухе.

Немцов въезжает в здание обкома

В одном из интервью 1992 года Немцов рассказывает, как он стал губернатором: «Если вспомнить все, что вело меня сюда, в этот кабинет, без преувеличения могу сказать: цепь случайностей, из которых, как известно, закономерный ход возникает. Все произошло довольно непредсказуемо. Ну кто мог предсказать, что будет путч? Что 18 августа я уеду в отпуск через Москву, приеду 19-го, и там надо будет три ночи оборонять Белый дом? Никто не мог. Так получилось»¹⁴⁰.

Действительно, появление Немцова в Белом доме во время путча сыграло решающую роль в его дальнейшей судьбе. В эти драматические дни Немцов регулярно общался с Ельциным. Президент и его штаб сидели в противоположном от депутатов крыле, и депутаты туда вхожи не были, но Немцова к Ельцину пускали. Он даже помогал проверять кабинет Ельцина на наличие жучков, а Ельцин уполномочил его от имени Верховного совета на переговоры с военными. «Я ходил с бумагой, – вспоминал Немцов: „Депутат Борис Немцов назначен мною представлять законно избранный Верховный совет в воинских частях Минобороны, МВД и КГБ. Подпись: Ельцин“»¹⁴¹. А потом они стояли рядом на балконе во время победного митинга.

¹³⁷ Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед, с. 134.

¹³⁸ Московские новости (8 декабря 1991).

¹³⁹ Выступление Александра Руцкого в Барнауле 30 ноября 1991.

¹⁴⁰ «„В 60 лет встретимся. И я вам расскажу...“». Интервью Бориса Немцова 1992 года», Новая газета (21 февраля 2018).

¹⁴¹ «„При карьерном росте не должно тошнить“». Последнее интервью Бориса Немцова „Огоньку“, Огонек (9 марта 2015).

Немцов для Ельцина теперь был больше чем просто молодой сторонник, – они вместе, плечом к плечу, защищали Белый дом и свободу. Поэтому сразу после путча Немцов был назначен представителем президента России в Нижегородской области. Идея ввести институт представителей президента в регионах – президентских комиссаров, которые бы отстаивали интересы новой российской власти при советских структурах, облисполкомах и обкомах КПСС, – родилась еще до путча, во время избрания Ельцина президентом России в июне 1991 года.

Путч резко ускорил осуществление этих планов. Пока Москва и Петербург противостояли заговорщикам, остальная Россия замерла, выжидая, кто победит. Две трети руководителей российских республик и областей не поддержали Ельцина, а некоторые открыто присягнули на верность ГКЧП. В российских регионах нужно было срочно формировать новую власть, и сначала Ельцин и его аппарат планировали на осень проведение губернаторских выборов. Но еще быстрее – буквально на следующий день после путча – Ельцину надо было направить в регионы своих представителей. Управляемость в стране в этот момент была для него проблемой номер один. Нараставший сепаратизм в национальных республиках в составе России беспокоил его всерьез: в свое время Горбачев в пылу борьбы с Ельциным сулил им широкую автономию, и многие даже успели проголосовать за суверенитет. Осенью 1991 года угроза распада России вовсе не была пустым звуком. Через две недели после путча она материализуется в Чечне: сторонники генерала Джохара Дудаева захватят власть в республике, а еще через полтора месяца объявят о независимости.

Демократический активист и народный депутат СССР Александр Минжуренко возглавлял штаб сопротивления ГКЧП в сибирском городе Омске: связывался с Белым домом, печатал и распространял полученные по факсу указы и листовки... 22 августа он уже был в Москве и тут же узнал, что его разыскивает Ельцин: ему предлагают стать представителем президента в Омской области. Минжуренко сначала колебался – что это значит: представитель президента РСФСР, с ходу непонятно, – но потом согласился. Тогда его вызвали к Ельцину. «Вы что, не видите, что Союз сыплется, – нервно, даже раздраженно объяснял Минжуренко Ельцин. – И Россия посыплется, если мы будем сидеть сложа руки. Сейчас на местах одни коммунисты. Мы будем внедрять выборность, а выбирать будут самых разных людей, и управление со стороны президента будет потеряно. Поэтому мне нужны свои преданные люди на местах»¹⁴².

Положение о представителях президента писалось там же, в соседней комнате, буквально на коленке. 27 августа Минжуренко, Немцов и еще несколько человек были снова приглашены к Ельцину и получили назначения представителями президента в регионах. Президентским комиссарам вменялась задача собирать жалобы граждан и следить за исполнением указов президента России. «Если они наломают дров, мы их поснимаем», – говорил тогда журналистам Сергей Шахрай¹⁴³. Ельцин поставил перед ними еще одну цель: подобрать достойных кандидатов, которые смогут победить на выборах в своих регионах.

Руководство Нижегородской области во время путча тоже поддержало ГКЧП: в местной прессе была введена цензура – редакции бунтовали, и газеты выходили с пустыми белыми полосами, – а председатель облисполкома Александр Соколов проводил совещания с руководителями силовых структур на предмет пресечения массового недовольства. После путча Соколова сняли, а демократические депутаты облсовета просто взяли и опечатали здание обкома КПСС. Так область осталась вообще без власти. «Возник вопрос – кого?» – вспоминает Николай Ашин. Демократическое сообщество растерялось, и только у Ашина сомнений не было: надо ставить Немцова¹⁴⁴.

¹⁴² Из интервью Александра Минжуренко автору, 9 ноября 2019.

¹⁴³ Нижегородский рабочий (15 октября 1991).

¹⁴⁴ Из интервью Николая Ашина автору, 16 июня 2019.

К октябрю Немцов и сам созрел: он был готов предложить себя в губернаторы. В конце месяца Ельцин собирал своих представителей для отчета. К этому моменту в аппарате Ельцина уже решили временно отказаться от выборов губернаторов в пользу назначений (о чем он и сообщит съезду 28 октября). На совещании Немцов подошел к Минжуренко и завел с ним беседу.

– Ты кого будешь рекомендовать на должность главы администрации? – спросил Немцов.

– У меня пока кандидатуры нет, – ответил Минжуренко.

– Так себя и предложи, – продолжал Немцов, – я уже думаю об этом.

– Слушай, я историк, доцент. Как я буду губернатором? Это же не политическая фигура.

Это же завхоз.

– А ты сохрани за собой политические функции, – убеждал Минжуренко Немцов, – и подбери заместителей, отвечающих за разные направления. А сам будешь дирижером.

Минжуренко эта мысль в голову не приходила, и предложение Немцова его смутило: «Может быть, и правда», – подумал он¹⁴⁵.

Еще в августе депутаты нижегородского облсовета рекомендовали Москве две кандидатуры на пост главы администрации: директора местного Института систем связи Игоря Петяшина – от демократов, и главы города Арзамас Ивана Склярова – от коммунистов¹⁴⁶. В аппарате Ельцина уже даже согласились на Петяшина, но тут вдруг заупрямился и отказался сам Петяшин – под тем предлогом, что выборы главы администрации заменены назначением. «Встал вопрос о выдвижении новых кандидатов, – писала в октябре 1991 года газета „Нижегородский рабочий“. – На этом этапе возникла кандидатура представителя президента России в нашей области Бориса Немцова. После полуторасуточных раздумий Борис Ефимович дал на это свое согласие. Одновременно он заявил о готовности к совместной работе с Иваном Скляровым»¹⁴⁷.

В октябре на очередной встрече с Ельциным Немцов снова настойчиво уговаривал Минжуренко идти в губернаторы – он не хотел быть белой вороной, ему было комфортнее предлагать президенту свою кандидатуру в компании с кем-нибудь еще. Но Минжуренко отказался: у него не выходил из головы недавний звонок директора местного маслозавода – на заводе закончились упаковочные коробки, и он грозился прекратить отгружать масло, если коробки не будут поставлены. «А почему вы звоните мне?» – недоумевал Минжуренко. «А кому звонить? – отвечал директор. – Я всегда звонил председателю обкома КПСС, а тот звонил на картоннорубероидный завод и давал пинков тамошнему директору». На этих пинках и держалась вся советская хозяйственная система. Минжуренко пришел в ужас от перспективы посвятить свою жизнь решению проблем вроде нехватки картонных коробок¹⁴⁸.

Немцов тоже не хотел заниматься коробками. Поэтому он предложил должность вице-губернатора, если его назначат, коммунисту Ивану Склярову. «Немцов был умным человеком, – вспоминает его помощница тех времен Татьяна Гришина, – он понимал, что не разбирается в вопросах ведения хозяйства, Скляров как раз был хозяйственником. Кроме того, это был компромисс [с нижегородской элитой]»¹⁴⁹. Предлагая разделить власть с коммунистом Скляровым, Немцов обеспечивал себе дополнительную поддержку в облсовете. Немцов вышел на трибуну и так и сказал: он – политик, а Скляров будет заниматься хозяйственными делами, и вместе они свернут горы. Депутатам эта идея понравилась, и они рекомендовали Ельцину назначить Немцова.

¹⁴⁵ Из интервью Александра Минжуренко автору, 9 ноября 2019.

¹⁴⁶ Областные советы были высшей властью на местах, и игнорировать их президент не мог. Поэтому в президентском указе, изданном после путча, говорилось о необходимости согласования кандидатуры на пост главы администрации с областными советами. На практике тем не менее это происходило не всегда.

¹⁴⁷ Нижегородский рабочий (октябрь 1991).

¹⁴⁸ Из интервью Александра Минжуренко автору, 9 ноября 2019.

¹⁴⁹ Из интервью Татьяны Гришиной автору, 19 июня 2019.

Многие нижегородские демократы, стоявшие у истоков местных демократических объединений, смотрели на Немцова косо: для них он был чужаком и выскочкой. В местной прессе стали появляться просьбы не назначать Немцова губернатором. Он не только некомпетентен, но и «вступил в коалицию с представителями партийно-хозяйственной номенклатуры, благосклонно воспринявшими деятельность ГКЧП», – с газетных страниц ябедничал на Немцова один из лидеров местной «Демократической России». Впрочем, другие активисты за Немцова вступились, настаивая на том, что «он способен решительно проводить в жизнь политику и реформы президента»¹⁵⁰.

В Москве тоже возникли споры: ставить Немцова губернатором или нет. Его кандидатуру поддерживал Шахрай. «Я сказал, что Борис Ефимович, безусловно, справится, – вспоминает Шахрай. – Его в области (в основном в городе) знают. А недостаток возраста и знаний он компенсирует каким-то природным чутьем. И мне кажется, что эта формула „природное чутье“ была очень близка и понятна президенту». (Некоторые тогдашние соратники Ельцина полагали, что назначить Немцова советовала Ельцину и вдова Сахарова Елена Боннэр.)

Соратник Ельцина и в скором времени глава Контрольного управления президента Валерий Махарадзе был против. Он перечислял недостатки Немцова: возраст, нехватка хозяйственного опыта и – почему-то – отсутствие знаний о сельском хозяйстве. Шахрай не сдавался. «У меня было два аргумента, – вспоминает Шахрай. – Я говорю: область оборонно-промышленная. А кроме того, Немцов у меня в комитете написал проект закона о земле. Тут уже обалдел Борис Николаевич: „Борис? Закон о земле?“ Говорю: да. Немцов этот закон писал как политический... Это именно реформа, преобразование земельных отношений, а не вопрос о власти. И вот эти два аргумента сработали»¹⁵¹.

Наверняка сработал и третий аргумент: у себя дома в Нижнем Новгороде 32-летний Немцов был самым популярным депутатом. По опросам общественного мнения в октябре 1991-го, его рейтинг доверия составлял 42 % – вдвое выше, чем у ближайшего конкурента¹⁵². Но кто бы ни рекомендовал Ельцину молодого нижегородского депутата, это был его личный выбор. И 30 ноября президент издал указ о назначении Немцова главой администрации Нижегородской области. Со слов самого Немцова, Ельцин напутствовал его так: «В принципе, ты совсем зеленый, никакого жизненного опыта нет, а область важнейшая... Я поставлю тебя. Три месяца испытательный срок. Приеду – проверю. Не справишься – сниму»¹⁵³.

Здание обкома КПСС стояло абсолютно безжизненное: не было электричества, не работали лифты и телефоны. На пятом этаже располагался кабинет председателя обкома – центр управления областью. Туда и въехал Немцов в декабре 1991 года. «Новоиспеченных отцов области (Немцова и Склярова. – М. Ф.

¹⁵⁰ Ленинская смена (25 ноября 1991).

¹⁵¹ Из интервью Сергея Шахрая автору, 28 июня 2019.

¹⁵² Опрос Научно-исследовательского социологического центра, 9-10 октября 1991, Нижегородский рабочий.

¹⁵³ Борис Немцов в программе «В гостях у Дмитрия Гордона» (март 2008).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.